ДЕТЕКТИВ ПРИКЛЮЧЕНИЕ
Дарья
Калинина
Русалочка
в шампанском

Дарья Александровна Калинина

Русалочка в шампанском

Серия «Сыщицы-любительницы Мариша и Инна»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=609755
Русалочка в шампанском: Эксмо; М.; 2011
ISBN 978-5-699-48766-0

Аннотация

В санатории «Солнечный берег», где отдыхала сыщица-любительница Мариша, убита странная женщина, вызывавшая у отдыхающих массу вопросов. Дело в том, что обитательница дорогущего люкса одевалась крайне бедно и, судя по всему, вообще не имела при себе наличных денег. Незадолго до смерти загадочная Наташа посвятила Маришу в свою тайну. Оказывается, ее только недавно выпустили из тюрьмы, куда она попала благодаря бывшему мужу – местному депутату. Экс-супруг оплатил путевку, отправив женушку подальше от себя. А между тем он должен ей огромные деньги. Возможно, Наташа рассказала бы больше, но в тот же день ее нашли убитой. А Маришу, первой обнаружившую труп, подозревают – о ужас! – в этом преступлении!..

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 11
Глава 3 21
Глава 4 29
Глава 5 39
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Дарья Калинина
Русалочка в шампанском

Глава 1

Мы можем воображать о самих себе и о своих окружающих все, что нам вздумается. Никто нам этого не запрещает. Но не стоит заблуждаться в собственной значимости, на самом деле единственный хозяин над нами всеми – это время. И оно не спрашивает нашего мнения. Просто тикает себе и тикает, невозмутимо складывая дни в недели, а недели в месяцы.

Выглянув в окно, Мариша глубоко вдохнула чистый сладкий воздух. Прямо под ее окном росла шикарная береза, вся усыпанная в это время года золотистыми сережками. От ее только-только раскрывающихся листочков шел аромат весны и тепла.

Дальше вдоль зеленых холмов тянулась извилистая серебристая речка, по краю которой была проложена живописная дорожка. А еще дальше виднелся красивый лес.

Чуть ближе к дому жилая территория приобретала куда более причесанный вид. Ровные дорожки, выложенные декоративной плиткой, между ними газон с веселенькой весенней травкой и целые полчища тюльпанов, нарциссов и прочей луковичной братии, вылезающей из-под земли на свет божий этой чудесной весной.

Ближе к речке находилось несколько прехорошеньких беленьких домиков с зелеными черепичными крышами. Они располагались так, чтобы быть в зоне ближайшего доступа, но в то же время были замаскированы деревьями, чтобы не лезть в глаза.

Но стоп, как же, спросите вы, Мариша оказалась в этом чудесном и начисто лишенном таких примет цивилизации, как загазованность и смог, месте?

Расскажем обо всем по порядку. Как известно, совсем скоро у Мариши на свет должен был появиться ребенок. Ну, не совсем скоро, но, во всяком случае, он ожидался в ближайшее время. Месяца так через три-четыре, еще плюс или минус две недели.

Чувствовала себя Мариша физически превосходно. И даже растущий животик не мешал ей. При росте Мариши и ее комплекции живот как-то очень плавно растекался по бокам. И его можно было заметить лишь, если она надевала плотно облегающую одежду.

Но если физически Мариша была бодра и энергична, то на душе у нее скребли кошки. Ее любимый муж Смайл, несмотря на скорое прибавление в семействе, был снова вынужден отправиться в командировку в очередную горячую точку планеты.

И хотя Мариша очень гордилась своим мужем и его нынешней работой, она все чаще и чаще задумывалась о том, а как же все будет, когда у них родится малыш? Смайл так и будет пропадать в своих полетах? А они с ребенком? Им придется сидеть и ждать папашу у раскрытого окошка?

Ждать Мариша не любила. И поэтому категорически заявила мужу:

– Ты как хочешь, но выбирай, либо я, либо твоя работа!

Смайл ее ультиматуму не обрадовался. И даже попытался взроптать, что, как казалось Марише, она в муже уже начисто искоренила.

Так нет же, противные гены ее мужа, не поддавшиеся до конца супружескому воспитанию, снова дали о себе знать!

– Не говори со мной в таком тоне! – повысил Смайл голос на жену. – Или хотя бы дай мне время, чтобы подумать и осмыслить твои слова. Я не могу вот так вот с бухты-барахты взять и бросить свою работу.

Маришу его слова порадовали. И, мимоходом отметив про себя, что за последнее время русский язык ее мужа стал гораздо правильнее и существенно обогатился, она отпустила его в этот рейс, впрочем, не забыв строго предупредить, что это будет последний рейс в их совместной жизни.

– Потому что, когда ты отправишься в рейс в следующий раз, дома ты меня уже не найдешь! Мне уже скоро рожать. И я не хочу, чтобы ты во время моих родов спасал какую-нибудь новогвинейскую дамочку со схватками, а я в это время мучилась наедине с чужими мне людьми!

С некоторых пор Мариша стала испытывать неприязнь ко всем терпящим стихийные бедствия иностранным гражданам. В конце концов, люди сами должны разбираться с тем, что делается у них в стране! И хотя очень трогательно и благородно со стороны того же Смайла мчаться на другой конец света, чтобы отвезти им лекарства, еду и воду, всего этого в приличной стране должно иметься в избытке и про запас!

Во всяком случае, так думала обиженная и раздосадованная отсутствием мужа Мариша. Что думал по этому поводу сам Смайл, оставалось для Мариши загадкой. Во время их ссор возмущалась одна она. Муж лишь слушал ее, мрачнея с каждой минутой. А затем мрачно и долго страдал, но все так же молча! Вытянуть из него, согласен он с женой и теперь обдумывает ходы своего исправления или совершенно не согласен и считает ее вздорной дурехой, Мариша никак не могла. И от этого сердилась еще больше.

– Кричу, кричу, а толку никакого! Ты меня слышишь или нет? Ну, скажи хоть слово! Прямо убить тебя хочется, лишь бы только ты заговорил!

Не добившись понимания со стороны мужа, другая бы на месте Мариши кинулась за утешением к родным и близким. В первую очередь к маме. Но Мариша этого не делала. Потому что пока они ссорились со Смайлом вдвоем – это все еще было легко и поправимо. Но стоило в ссору вмешаться третьему человеку, как супружеская разборка грозила перерасти в скандал вселенских масштабов.

Поэтому Мариша стоически молчала, но мама, казалось, все и сама прекрасно понимала. И едва проводив Смайла в аэропорт и вернувшись домой, Мариша услышала телефонный звонок.

– Вот что, нечего тебе одной дома куковать! – решительно произнесла Тамара Ильинична. – Я тут приобрела для себя путевку в санаторий, но теперь вместо меня поедешь ты!

– Я? Но я не хочу никуда ехать. Я не в том состоянии, чтобы куда-то лететь.

– А тебе лететь никуда и не надо. Санаторий находится тут недалеко. Под Новгородом.

– Тем более. Что мне там делать?

– Будешь гулять, отдыхать, купаться в бассейне!

– Какой смысл куда-то переться? – не сдавалась Мариша. – Все это я могу делать и дома.

– Природа там чудесная. Воздух изумительный! Люди прекрасные! Питание…

Тут Маришина мама остановилась, видимо, захлебнувшись слюной от восторга. Но Мариша разделить мамино настроение не торопилась.

– Никуда я не поеду, – заканючила она, уже прекрасно понимая, что поедет как миленькая, никуда не денется.

Когда мама звонила в таком воинственном настроении, спорить с ней было решительно невозможно. Если бы Мариша не поехала, то в ход пошла бы тяжелая артиллерия в виде врачей, вызова «Скорой помощи» и даже отправки самой мамы в больницу. Ради счастья дочери мама была готова на все. Она запросто могла оказаться даже на больничной койке!

На протяжении получаса Мариша пыталась решить дело миром. Но поняв, что позиции ее слабеют с каждой минутой, все же спросила:

– Ну, и на сколько я должна туда ехать?

– Совсем ненадолго. Курс лечения рассчитан на две недели.

– Лечения? Так там еще и лечиться надо?

– Ну, если ты совершенно здорова, то можешь не лечиться, конечно! – оскорбленным тоном произнесла мама. – Но лично я на твоем месте задумалась бы о собственном здоровье. Появится ребенок, тебе о такой ерунде размышлять будет некогда!

Мариша в ответ только вздохнула. Ну, ладно. Эти две недели она как-нибудь переживет вдали от дома. Тем более что Смайл обещал вернуться тоже недельки этак через две. А это значило, что раньше, чем через три, его ждать даже и не стоило. И Мариша согласилась на предложение мамы.

– Ладно уж, съезжу, но только чтобы тебя порадовать.

– Ну уж, съезди! – действительно обрадовалась мама. – Порадуй!

К удивлению Мариши, которая ожидала, что мама отправит ее в страшное захолустье, где на весь корпус будет один-единственный, возможно, даже черно-белый телевизор, да еще показывающий от силы три канала, на двух из которых будет рябь, а на третьем – отсутствовать звук, все оказалось совсем не так плохо.

Уже по приезде в город Новгород Мариша увидела небольшой рейсовый автобус, на ветровом стекле которого гордо красовалась табличка «Солнечный берег». На голубом фоне гордо всходило золотистое солнце. И Мариша медленно потащилась к этому автобусу.

Предъявив водителю свою путевку, она отдала ему чемодан. А сама налегке с одной лишь сумочкой забралась в салон. Кроме нее, сегодня в «Солнечный берег» отправлялись еще пять человек. Парень с девушкой, нежно обнимающиеся на задних сиденьях автобуса. Две бодрые пенсионерки, которые о чем-то судачили, сдержанно хихикая. И еще одна средних лет женщина с миловидным, но каким-то очень уж бледным и утомленным лицом.

Вот ей действительно и отдых, и лечение точно бы не повредили!

Эта женщина заинтересовала Маришу больше остальных. Отдых в «Солнечном береге» стоил отнюдь не дешево. За эти деньги можно было запросто слетать куда-нибудь в Египет и отдохнуть там те же две недели, но на полном сервисе и в отеле самого высокого класса. А судя по внешнему виду, одежде и бедному багажу этой женщины, она была не в состоянии оплатить в Египте даже самую дешевенькую гостиницу за двадцать километров от моря.

Вероятно, это кто-то из обслуживающего персонала, решила про себя Мариша, и ошиблась. Просто и даже бедно одетая женщина заселилась в санаторий вместе с ними. Да еще оказалось, что у нее забронирован номер люкс. А люксов, как тут же узнала Мариша, было всего три. И в двух из них жили большие семьи с детьми, которым было удобно находиться в одном просторном помещении, а не ютиться пусть и в большом, но все же стандартном номере.

Марише же ее комната показалась просто огромной. Тут стоял новенький плазменный телевизор, проигрыватель и куча дисков к нему. Кроме того, имелся электрический чайник, прибор для приготовления чая или кофе, сейф, ванная с душевой кабиной и несколько сверкающих чистотой зеркал, которые каждое утро протирала специальной тряпочкой улыбчивая и милая Анечка.

– Повезло вам, – говорила она, забегая к Марише и порхая по комнате. – Номер вам дали на восход! Каждое утро встречаете вместе с солнышком!

– Ты сама словно солнышко. Всегда веселая и в хорошем настроении.

– Это я для вас стараюсь. А так я и поплакать могу.

– А что, разве есть причины?

– А я и без причины могу, – весело отозвалась Анечка, но у Мариши сложилось такое ощущение, что причина для слез у девушки все-таки есть.

Но лезть в душу к горничной Мариша не стала. С чего ей с ней откровенничать? Захочет Анечка, сама все расскажет. А нет, так и нет. Мариша сюда отдыхать приехала и никому в наперсницы не набивается.

– Вот у вас в номере убираться – одно удовольствие, – прощаясь, все же сказала Анечка. – А есть тут такие, к которым даже и заходить не хочется!

Кого она имела в виду, Мариша не очень-то поняла, но постаралась не сосредотачиваться на этой загадке. Она сюда приехала отдыхать. И ничего расследовать не будет!

А еще в номере у Мариши имелся небольшой балкончик, с которого было так приятно любоваться окрестностями и обозревать то, что делается внизу. Также на балкончике можно было при желании позагорать в особо погожий денек. Впрочем, такого желания у Мариши не возникало. Ее вполне устраивало принимать солнечные ванны возле бассейна.

В основном так поступали все отдыхающие. Весенняя погода хотя и стояла очень теплая, но о купании в речке не могло быть и речи. Так что все отдыхающие проводили свое свободное время возле бассейна. Вода в нем была с подогревом. А от ветра отдыхающие были загорожены прозрачными щитами. Таким образом, при температуре снаружи плюс 18–20 градусов или даже ниже возле бассейна оказывалась вполне комфортная атмосфера для отдыха и принятия солнечных и воздушных ванн.

Кормили в санатории вкусно, разнообразно и питательно. К тому же от заморских ресторанов здешнюю кухню выгодно отличало то, что тут каждый день готовили борщи, рассольники, щи из свежего щавеля или суп с молодой крапивкой. А также многие другие блюда простой русской кухни – пышные и ноздреватые блины, рассыпчатые каши, тушеное мясо с грибами. Все то, что так дорого русскому человеку и близко его желудку.

Процедуры, которые прописала Марише ее докторша – Нина Александровна, не отнимали у нее много времени или сил, но приятно разнообразили ее отдых. С утра Мариша вставала, шла завтракать, потом на процедуры, потом отдыхала, а после обеда либо загорала на весеннем солнышке и плавала в бассейне, либо гуляла по окрестностям.

Весенняя природа располагала к такого рода длительным пешим прогулками. Тем более что вся местность вокруг «Солнечного берега» была буквально изрезана пешеходными дорожками. Эти дорожки оставались сухими в любую погоду благодаря тому, что поверх хорошо утрамбованной смеси песка, земли и цемента были еще и засыпаны гранитной крошкой.

– Как замечательно, что наши с вами сограждане или хотя бы некоторые из них наконец спохватились и стали вкладывать деньги в развитие российского туризма! – как-то за ужином восхитилась Нина Сергеевна – одна из пенсионерок, с которыми Мариша познакомилась еще в автобусе.

– Ведь это же безобразие, сколько денег мы ежегодно вывозим из нашей страны в разные там Турции или Мальдивы! – поддержала ее Галина Ермолаевна – вторая пенсионерка. – У нас в собственной стране имеется множество красивых мест. Грех ими не пользоваться.

– Точно, точно! И даже море у нас есть. Конечно, после шикарного жеста Ельцина от морского побережья у нас остался лишь жалкий кусочек на Кавказе. Крым мы, увы, похоже, окончательно потеряли. Но зато у нас есть горы! А горы – это горнолыжные курорты.

– И у нас есть красивейшие вулканы и гейзеры Камчатки и Магадана. Я была там в молодости вместе с мужем – военным. До сих пор в памяти стоят красоты тех дивных мест.

– И наконец, у нас есть широкие возможности для экотуризма! Как было бы интересно городским детям побывать в настоящем крестьянском доме, поесть сливок и попить молока прямо из-под коровы. Раньше дети ездили в деревни к бабушкам, а теперь ни тех бабушек, ни тех деревень почти что не осталось. Надо создавать все заново.

С этим Мариша была согласна. Потому что, несмотря на явное процветание «Солнечного берега», деревни в округе, увы, медленно, но верно умирали. Мариша сама взяла

машину напрокат и объехала окрестности. И лично могла подтвердить, что деревни Новгородчины постепенно чахли. А многие умерли совсем. Земли, несмотря на весну, стояли непаханые. Народу в деревнях почти не было. И заброшенные дома печально взирали на округу пустыми глазницами.

Но это было, так сказать, за оградой. В самом «Солнечном береге» царила атмосфера той легкости и небрежности, какую людям позволяют поддерживать деньги. И деньги не маленькие.

Мариша успела познакомиться со многими отдыхающими. Всего в пансионате отдыхало около ста человек. Но за столом Мариша оказалась с теми тремя женщинами, с которыми ехала в автобусе. К счастью, молодая пара, непрестанно целующаяся в автобусе и не оставившая своей привычки и по приезде, была отсажена за другой столик. Мариша не могла не порадоваться этому обстоятельству.

– Тяжело созерцать чужое семейное счастье в то время, как твое собственное находится от тебя за тысячи километров, – заметив ее взгляд, сказала Нина Сергеевна.

– Они стали гораздо сдержаннее, – произнесла Мариша.

– Ничего удивительного. Рано или поздно страсть идет на убыль.

– Вот и у них, похоже, пошла.

Две старые сплетницы переглянулись между собой и захихикали. Больше всего они в этот момент напомнили Марише двух старых ворон. Галина Ермолаевна, как Мариша уже много раз слышала, была вдовой военного генерала. А ее подруга Нина Сергеевна была вдовой полковника. Оба мужа служили вместе. Скончались тоже примерно в одно и то же время, оставив своим женам неплохое наследство.

Как поняла Мариша, обе вдовушки были материально вполне обеспечены. А в память о своих супругах, оставивших их не так давно, до сих пор носили траур, делавший их еще больше похожими на старых птиц.

В санаторий они приехали, по их собственным словам, немного развеяться и отвлечься от грустных мыслей. Узнав о положении Мариши, они с удовольствием взяли над ней шефство. Гуляли, развлекали и всячески опекали, частенько заставляя скрежетать зубами от желания остаться наконец одной.

Сама Мариша с куда большим удовольствием пообщалась бы поближе с их третьей компаньонкой – Наташей. Эта женщина продолжала интриговать ее своим поведением и внешним видом. Сразу было видно, что она материально сильно уступает всем остальным обитателям «Солнечного берега». Попросту говоря, Наташа была бедна.

И это отражалось на всем облике женщины. Ее руки давно забыли, что такое маникюр. Купальник у нее был самый простой и дешевый, давно выцветший и растянувшийся. Но, несмотря на его вопиюще ужасный внешний вид и заштопанные плавки, Наташа даже не заглянула в здешний магазинчик, где купальники были представлены в широком ассортименте. И Мариша, кажется, догадывалась, что было тому причиной. Купальники тут стоили очень дорого, даже на ее взгляд. А денег у Наташи, по-видимому, совсем не было.

– Как же она купила сюда путевку? По ее виду не скажешь, что она способна оплатить даже переезд сюда из Питера!

Галина Ермолаевна имела неприятную привычку немного покрасоваться своим благосостоянием перед менее обеспеченной подругой или другими людьми. И конечно, она тут же принялась презирать и подкалывать Наташу, всячески намекая, что и остальные должны последовать ее примеру.

Но Нина Сергеевна была куда добрее и проще своей подруги, поэтому хотя для вида она и отпускала кое-какие шпильки, но было видно, что Наташу она в большей степени жалела, чем презирала. Ну а Мариша вообще никогда не считала, что деньги – в жизни главное. У нее у самой были периоды, когда она сидела совсем без них. И ничего, как видите,

жизнь у нее на этом не закончилась. Пришло время, появились и любовь, и счастье, и семья, и материальное благополучие.

Что касаемо самой Наташи, то ей было все, как говорится, по барабану. Она вежливо здоровалась, желала всем приятного аппетита, быстро и молча съедала свою порцию. А потом также быстро и незаметно удалялась к себе в свой люкс, где и располагалась со всем возможным для «Солнечного берега» комфортом.

Галина Ермолаевна по этому поводу разве что кипятком не писалась.

– Как она могла оплатить люкс? – раздувалась вдова генерала от праведного гнева. – Прислуга! Уборщица! Ничтожная дрянь! Наверняка она обманом пробралась в наше общество! Я знаю такую голытьбу! У них нету денег даже на врачей! Они тянут до последнего с обследованием, а потом оказывается, что лечиться уже поздно. Уверена: у этой Наташи целый букет заболеваний. Наверняка среди них есть и заразные! Ее надо изгнать, пока она нас всех тут не заразила!

– А путевка? – возражала ее здравомыслящая подруга.

– А что путевка? Она ее получила обманным путем! Украла!

– Исключено! Все путевки выписаны на определенное лицо. И у всех при заселении спросили документ, удостоверяющий личность. Вспомни сама! Эта женщина показывала паспорт, значит, она именно та, за кого себя выдает.

Галина Ермолаевна временно замолчала. А Мариша отвернулась, чтобы скрыть усмешку. Она вспомнила маленькую сценку, когда у Галины Ермолаевны при себе не оказалось паспорта. То есть паспорт у нее был, но старушка забыла, куда его задевала. И пока она его искала, успела обругать весь обслуживающий персонал, который не в состоянии отличить порядочную вдову генерала от всякой там шелупони и сброда!

И пока Галина Ермолаевна краснела, багровела и злилась, так что к ней даже вышла главная администратор, которая и заполнила бумаги старушек, Наташа, которую та же Галина Ермолаевна было уже совсем отпихнула, тихо и молча положила на стойку администрации свой паспорт в потрепанной дешевенькой обложке и сказала:

– Наталья Ивановна Гражданка. Одна тысяча девятьсот шестьдесят третьего года рождения.

Наташа хотела еще что-то прибавить, но осеклась и замолчала. Также быстро она заполнила и саму анкету. И получив ключи от люкса, сама подхватила чемоданчик из клеенки и покатила его сама по коридору, категорично, но с улыбкой отвергнув услуги юноши-носильщика.

Мариша еще тогда подумала, что у тетки, заселившейся в люкс, нет никакой привычки общения с прислугой. Да и денег, чтобы заплатить молодому услужливому человеку его чаевые, по всей видимости, тоже нет.

Одним словом, если кто и заинтриговал Маришу, то это была именно ее третья соседка по столу. И она с удовольствием подружилась бы именно с ней. Но увы, одного желания Мариши было мало. Наташа держалась наособицу. Она была приветлива, но на все вопросы отвечала односложно. А если собеседник становился слишком уж назойлив, старалась побыстрее ускользнуть к себе в номер и оставалась там, пока приступ любопытства у назойливого товарища не проходил сам собой.

Несколько раз Мариша видела ее прогуливающейся вдоль реки или по небольшой березовой роще на территории санатория. Но никаких процедур Наташа не получала. И к доктору по приезде не приходила, сказав, что лечения она не хочет.

Путевка у нее была оплачена с лечением, но кого-либо неволить в «Солнечном береге» было не принято.

– Сейчас не советские времена. Если человек не хочет лечиться, это его право. Хотя и странно. Пребывание у нас без лечения стоит гораздо дешевле, чем с лечением. А путевка

этой женщины предусматривает ряд оздоровительных процедур общего профиля. Не понимаю, почему она отказалась от ванн с морской солью, от гидромассажа, от грязевого обертывания и еще нескольких процедур, которые могли помочь ей выглядеть получше.

– Возможно, она побоялась, что они ей повредят.

– Ну, уж общий массаж ей точно не мог бы повредить! – решительно воскликнула врач и заключила: – Очень странная женщина, очень!

Мариша была склонна с ней согласиться. Но все равно ей казалось неправильным, что Галина Ермолаевна так изводит бедную Наташу. В старушку буквально бес вселился. С каждым днем она становилась все злее и злее в отношении Наташи. И Мариша даже удивлялась, почему та не пересядет за любой другой столик. Зачем она терпит агрессивные выходки Галины Ермолаевны в отношении себя? Почему не подсядет к кому-то еще?

В том, что касалось самой Галины Ермолаевны, Мариша ориентировалась лучше. Ей казалось, что она знает причину, почему Галина Ермолаевна так ненавидит Наташу. Тут сложились воедино сразу два фактора. Во-первых, зависть. Да, да, именно зависть, потому что сама Галина Ермолаевна занимала самый обычный номер. Да еще и делила его вдвоем с подругой. Галина Ермолаевна считала, что именно она, вдова генерала, достойна номера люкс. А вот Наташа – нет.

И наконец, она злилась на весь мир, а изливала злобу на Наташу потому, что все или почти все посетители «Солнечного берега» приехали в санаторий парами. Некоторые были с детьми или с внуками. А у Галины Ермолаевны, насколько поняла Мариша, не было ни тех, ни других. Да и муж – генерал, о котором она столько говорила, тоже уже перекочевал в мир иной.

– Знаете, почему нас посадили всех вместе? – как-то бросила Галина Ермолаевна в сторону Мариши. – Нет? А я вам скажу! Мы все четверо – одинокие женщины. Других одиноких среди отдыхающих нет. Вот нас и посадили всех вместе. А разве это справедливо? Я вас спрашиваю, справедливо или нет?

Мариша уже давно поняла, на кого положила глаз вдова генерала. Этим кем-то был высокий седовласый мужчина. Выглядел он несколько моложе генеральши, да и приехал в санаторий не один, а в обществе своей дородной моложавой супруги. Но, кажется, Галину Ермолаевну такие пустяки не смущали. Недаром она всю свою жизнь провела замужем за генералом и нахваталась от него привычек и навыков.

Вряд ли седовласый подтянутый красавец, сохранивший военную выправку, обратил бы внимание на Галину Ермолаевну, которая, честно говоря, обладала довольно заплывшей фигурой и помятым личиком. Да и ее маленькие проницательные глазки, которые блестели из-под насупленных бровей, отнюдь не внушали романтических настроений. Но, как говорится, не в красоте счастье.

– Как говорил мой покойный муж, натиск и стремительность – вот две основополагающие любой успешной операции.

Стремительного натиска у Галины Ермолаевны на седого красавца не получилось. Очень мешала его жена, которая (стерва такая!) всюду таскалась со своим мужем. И злясь на нее, вдова генерала вымещала свою злобу на самом безответном и безропотном существе, которое нашлось у нее под рукой, – на тихой и молчаливой Наташе.

Поведение генеральши буквально бесило Маришу, но она ничего не могла поделать. Наташа категорически не принимала ничьей помощи. Всех сторонилась. И казалось, вовсе не обращала внимания на то, что происходило вокруг нее.

Но как показали дальнейшие события, это было не совсем так. А если быть точной, то даже совсем не так.

Глава 2

Мариша провела в санатории уже почти целую неделю. И откровенно говоря, начала скучать. Один день был похож на другой. А хотелось какого-то разнообразия.

– Наслаждайтесь, душенька, последними спокойными денечками, – добродушно посмеивалась над ней Нина Сергеевна. – Потом-то ребеночек появится, некогда будет поскучать да полениться. Придется изо дня в день скакать и прыгать вокруг малютки. Уж я-то тебе правду говорю.

У Нины Сергеевны в отличие от ее подруги имелся сын. Он продолжил дело своего отца, стал военным. И мотался по гарнизонам, так что мать крайне редко видела свое великовозрастное дитя.

– Отдыхай, деточка, потом будешь вспоминать эти дни с ностальгией.

Но Маришу ее слова совсем не успокаивали. Она не привыкла к такому пассивному отдыху. Как-то всегда получалось, что даже на отдыхе ей было чем заняться. А тут что? Чтение книг Маришу больше не занимало. Смотреть фильмы в одиночку было скучно. Хотелось живого общения. И самое главное – хотелось тайны, хотелось интриги, хотелось каких-то острых ощущений. А как чувствовала Мариша, единственным человеком, кто представлял тут реальную загадку, была Наташа.

– Я не я буду, если не подружусь с этой теткой! Что-то с ней не так. Тут генеральша права. Но вот что? Это я должна обязательно выяснить!

Даже самой себе Мариша не хотела признаться, что ей просто жалко эту странную Наташу, у которой нет денег на покупку новой пары туфель, поэтому она всюду ходит в таких древних и разношенных кроссовках, из которых разве что пальцы не торчат наружу.

Поэтому однажды Мариша придумала повод, как ей познакомиться поближе со странной женщиной. Проследив с балкона своего номера маршрут, которым обычно та следовала, Мариша устроила буквально засаду у нее на пути. И пошла навстречу, сияя приветливой улыбкой.

– Вот так встреча! – приветливо воскликнула она, увидев Наташу. – А я уж…

Договорить Мариша не успела, потому что пока она таращилась на Наташу, одна ее нога в кокетливой туфельке зацепилась то ли за торчащий из земли корень, то ли за еще какую-то преграду, и Мариша полетала прямо своим животиком вниз, на камни, в речку, в холодную и довольно быструю воду!

Но упасть она не успела. Наташа сделала стремительный бросок вперед и подхватила Маришу в последний момент. Какое-то время они обе покачивались над обрывом, а затем Наташа дернула Маришу на себя, а сама полетела вниз.

– Ой! – схватилась за голову Мариша. – Убьется! Утонет! Наташа! Спасите! Помогите! Человек тонет!

Но Наташа очень быстро вынырнула из воды. А затем, сделав несколько мощных гребков, оказалась у берега. Мариша поспешила к ней, ожидая, что женщине может понадобиться ее помощь. Но Наташа помощи не приняла. И трясясь от холода, пихнула Маришу в грудь:

– Ты на фига туфли на каблуках на ноги нацепила, коли ребенка скоро ждешь? Да еще в лес в них поперлась? Совсем дура, да?

– Я не подумала, – растерянно отозвалась Мариша, которая совсем не привыкла, чтобы к ней обращались в подобном тоне.

Но, несмотря на грубость Наташи, она совсем не обиделась. Все-таки совсем недавно Наташа пыталась спасти ее, и спасла, пострадав сама.

– Вы вся мокрая!

– Ничего!

– Но вы простудитесь! Вода еще совсем ледяная.

– Небось и не в такой плавала. Ничего! Выживу!

– Но я ваша должница! Ведь это вы меня спасали!

– Сказано же тебе, ерунда! Забудь!

– Пойдемте ко мне, у меня коньяк есть!

Мариша увидела, что последнее ее предложение пробило броню в защите Наташи. Коньяк и вообще все спиртные напитки в санатории были под запретом. Разумеется, их можно было тайком пронести в свой номер и там распить, но в бесплатное меню, по которому питалась Наташа, они не входили. За шведским столом напитков было вволю, но все они были безалкогольные – чай, кофе, молоко, соки, минеральная вода, морсы или компоты с киселями.

Еще спиртное можно было достать в баре, но опять же за отдельную плату. А денег, как понимала Мариша, у ее спасительницы было катастрофически мало. Если вообще они у нее были.

– Коньяк, говоришь? – задумчиво произнесла Наташа. – В номере? Уже стоит?

– Да, да! Целая бутылка!

– Прикладываешься?

– Ну что вы! Просто с собой взяла, мало ли что.

Мариша соврала. На самом деле она любила коньяк. И ожидая ребенка, иногда позволяла себе выпить пятьдесят граммов дорогого напитка. Почему-то ей казалось, что коньяк никак не может помешать ее малышу стать в будущем хорошим человеком. Водка стаканами, да, может помешать. А вот глоток расплавленного жидкого янтаря, который растекается по жилам, согревая и даря радость, нет, не может.

– Так что? Пойдем?

– Ну, пойдем, – решилась Наташа. – Что-то я и в самом деле продрогла.

Мариша в этом ничуть не сомневалась. Как не сомневалась она и в том, что Наташа могла бы запросто, и не пикнув, вытерпеть нагрузки в десять раз более страшные. И даже в сто раз бы вытерпела. Но вот устоять перед бутылкой коньяка она не могла.

– Ты возьми коньяк и приходи в мой номер, – распорядилась Наташа. – А я душ приму и переоденусь в сухую одежду.

Мариша действовала быстро. Но когда она примчалась к люксу Наташи, та уже встретила ее с высушенными и даже уложенными волосами. Одета Наташа была очень просто. В черную водолазку под самое горло и в синие джинсы. Как казалось Марише, так ее знакомая ходила всегда. Точно в таких же джинсах и водолазке Наташа спрыгнула в реку. Но сейчас они снова были на ней и совершенно сухие. Выходит, у Наташи было как минимум два таких совершенно одинаковых комплекта?

Но Мариша не успела обдумать эту очередную странность своей новой знакомой. Наташа углядела у нее под мышкой бутылку и выхватила ее.

– Ого! – уважительно произнесла она. – Хеннесси! Красиво живешь!

– Муж привез.

– Хороший у тебя муж! Ладно, за встречу!

Наташа не только вымылась, переоделась и высушилась, она еще и успела приготовить небольшой столик. На нем стояли два стакана, бутылка воды из бара, которую можно было брать бесплатно, и порезанный ломтиками лимон, который Наташа взяла в салат-баре. Лимон там лежал много дней подряд, исполняя исключительно декоративную роль. А вот Наташа его взяла. Никто, разумеется, ей ни слова не сказал, но это добавило камешков в огород женщины, которые неустанно метали туда обе вдовы.

– Так что? Выпьем? Или ты не будешь?

– Как это не буду?! – воскликнула Мариша. – Со своей спасительницей и вдруг не буду? Очень даже буду! Наливайте!

Наташа усмехнулась, но коньяк разлила. Себе в стакан она плеснула напитка на три пальца, Марише же налила от силы на один палец. Выпив коньяк, Наташа некоторое время сидела молча, полуприкрыв глаза и словно прислушиваясь к ощущениям внутри себя. Кажется, ощущения были превосходные, потому что на лице у Наташи появилась улыбка.

– Я уж и забыла, какое это классное чувство, – мечтательно сказала она.

– Вы давно не пили коньяка? Почему?

– Молодая ты еще, – неожиданно произнесла Наташа. – Глупая. Лезешь куда не нужно. Дура!

Мариша едва не закашлялась. Она-то глупая? Она?! Такого покровительственного тона в отношении самой себя Мариша не могла припомнить уже давно. Но, как ни странно, он ее не разозлил. Словно Мариша подсознательно чувствовала, что Наташа имеет право на такое к ней отношение.

Но все же она спросила:

– Почему же это я глупая и еще дура?

– К людям тянешься, вот почему.

– А разве это признак глупости?

– Наивности уж точно! – кивнула головой Наташа.

И допив коньяк, спросила:

– Думаешь, я не видела, какими глазами ты на меня в ресторане все время смотрела?

– Какими? – смутилась Мариша. – Обычными глазами я на вас смотрела.

– Нет, не обычными. Я же видела, что тебе меня жалко и ты едва сдерживаешься, чтобы не врезать этой старушенции в черных тряпках. Как ее там? Галине Ермолаевне, верно?

– Ничего подобного! – запротестовала Мариша, которой очень не хотелось признаваться в таких некрасивых мыслях, которые посещали ее в отношении пожилого человека, да еще женщины, да еще вдовы.

– Ладно, можешь не говорить. Я и так все поняла. И поэтому сейчас тебе скажу: не жалей меня, не надо. Все, что когда-либо сказала в мой адрес Галина Ермолаевна, более чем справедливо. Я даже хуже, чем она может себе представить!

– Почему это хуже?

Но Наташа вместо ответа снова налила себе коньяка и выпила, не закусывая.

– Хорошо! – мечтательно протянула она. – Давненько я ничего не пила крепче чаю. А хочешь узнать, как я оказалась в таком месте? Можешь не говорить, вижу, что хочешь. Всем хочется это узнать. А разгадка всего этого проста. Меня сюда отправил мой муженек. На реабилитацию, как он выразился. Отправить-то отправил, а вот деньжат подсыпать что-то забыл. А сама я у него ничего просить не хочу, гордость не позволяет. Вот и топаю среди вас в драных джинсах и единственных кроссовках. Только теперь они у меня промокли, даже не представляю, в чем на ужин пойду. Разве что потешу широкую общественность, надену резиновые шлепки!

– Я вам дам свои! – вызвалась Мариша. – У меня есть пара хороших спортивных туфель. Они совсем новые! Я их, по-моему, даже ни разу еще не надевала. Они вам будут впору. Ну, почти впору. Чуточку велики, но это ведь не очень страшно. Куда хуже, когда обувь на размер меньше.

– Хорошая ты девка, – взглянула на нее Наташа. – Вот и туфли новые для меня не пожалела. Только не возьму я у тебя ничего. Мне же еще и лучше будет. Пусть все смеются, пусть меня обсуждают. Я таким образом еще больше своего муженька опущу. Пусть все знают, какая жена у нашего замечательного и всеми любимого господина Лопатина.

– Но почему вы просто не попросите денег у мужа?

– Не хочу! Сказала же уже!

– У вас с ним плохие отношения?

– Сука он! – яростно подтвердила Наташа. – Такая сука, что тебе и не снилось! А впрочем, почему бы и нет? Расскажу тебе что к чему. Ты, я вижу, не из болтливых. Тебе сказать можно.

– Да, я умею молчать.

– Очень надеюсь, что это так. Я ведь только неделю как с зоны откинулась.

– Что? – оторопела Мариша от столь неожиданного признания своей новой приятельницы.

– Сидела я, – пояснила Наташа. – Целых три года. Срок мне больше был, да амнистия вышла. Вот я и оказалась на свободе. Муженек-то мой этому не слишком обрадовался. Он-то думал, что я еще долго не выйду. И следовательно, он моими денежками распоряжаться будет. А оно вон как дело повернулось. Вышла я, и теперь со мной ему делиться надо. А делиться ему страшно не хочется, потому что жадный он у нас до ужаса! Поверишь ли, за все три года ни единой передачки от него не видела. Что тетка моя со своей крохотной пенсии присылала, тем и грелась. Да потом и тетка померла, но спасибо ей и на том, что она для меня сделала.

– А муж ни разу не проявился?

– Нет. Ни разу.

– Как же вы с таким человеком связались?

– Да он, как и многие другие, вначале хорошим прикидывался.

И горько усмехнувшись, Наташа добавила:

– Человечье нутро ведь только издалека разглядеть можно. Вблизи-то туман глаз застилает. А издалека нутро человеческое хорошо видать. А уж с зоны и подавно.

– И теперь вы с ним разведетесь?

– Развод у нас с ним давно произошел. Только должок кое-какой за муженьком моим остался. Скажи, ты спортом увлекаешься?

– Что? – удивилась неожиданному вопросу Мариша. – Спортом? Каким еще спортом?

– Ну, соревнования там по телевизору смотришь?

– Иногда смотрю. Нечасто.

– Тогда тебе моя фамилия ни о чем не скажет. А то одно время меня все болельщики знали. Я ведь чемпионка по плаванью в вольном стиле. Была.

– Вы?

– А что? Не веришь?

– Почему же, если вы так говорите… Верю, конечно!

– Ну и правильно, потому что я тебе правду говорю.

– А как же получилось, что вы в тюрьму попали?

– Муженек мой постарался, – равнодушно произнесла Наташа. – Впрочем, и я не без греха, чего уж там.

– А в чем же был ваш грех?

– В глупости моей. Знаешь, я терпеть не могу, когда зэки начинают кричать, я – невиновна или там я – невиновен! Поверь мне: за решеткой совсем уж невиновных едва ли полпроцента найдется. А остальные вроде меня, может, того, за что сидят, они и не делали, а других грешков на них предостаточно.

– А как же…

– Крутили мы с муженьком с моим. Большой бизнес – это еще и большие деньги. А где деньги, там всегда желание урвать себе кусок побольше. Вот мы с муженьком моим бывшим и урвали. Урвать-то урвали, да только мне сесть пришлось. Кое-что из наших с ним махинаций открылось. И кому-то из нас надо было взять вину на себя. Кинули мы жребий,

мне выпало на нары сесть. Взяла я всю вину на себя, остальные, кто был с нами в деле, все чистенькими остались. Но те другие – пешки. А самый жирный кусок нам двоим принадлежал. И вот теперь муженек мой бывший куском этим со мной делиться не хочет. Сюда меня отправил. Думает, с глаз долой, так я и угомонюсь. Ан нет! Мне терять нечего! Я три года жизни потеряла, карьера моя ко всем чертям полетела. Да что там карьера! Сама жизнь у меня под откос пошла. И все из-за этих чертовых денег. И чтобы я теперь от них отступилась? Да ни за что!

Голос Наташи неразборчивый и невнятный под конец ее речи окреп и зазвучал очень уверенно. Мариша даже испугалась, что женщина сорвется на крик. Но нет, Наташа замолчала и виновато взглянула на Маришу.

– Что? Напугала я тебя?

– Да нет, все в порядке.

– Зря я тебе все это рассказала.

– Нет, что вы! Вам же надо было с кем-то поделиться!

– Верно. Прямо распирало меня изнутри. Иначе бы я и рта не раскрыла.

– Но теперь вам полегчало?

– Да, вроде как отпустило. Спасибо тебе.

– Не за что.

– Но ты теперь иди, мне сейчас одной побыть надо. Подумать.

Мариша справедливо догадалась, что размышлять Наташа предпочтет в компании с бутылкой коньяка, и поэтому осторожно вышла из комнаты, не тронув последнюю и плотно прикрыв за собой дверь.

На ужин Мариша опоздала. Тайна Наташи, в которую она была теперь посвящена, вызвала у Мариши такое стойкое внутреннее беспокойство, что она буквально места себе не находила. Все металась по своему номеру из угла в угол и придумывала сотни разных вопросов, которые могла да и должна была задать Наташе при новой встрече.

В результате Мариша так устала от охватившего ее беспокойного состояния, что влезла под горячий душ и простояла там долго. А потом еще дольше возилась с украдкой своих густых локонов, отчего окончательно опоздала к ужину.

Галина Ермолаевна со своей верной компаньонкой уже собирались вставать, но, увидев Маришу, передумали, переглянулись и присели за стол обратно, рядом с ней. Мариша быстро уничтожила принесенный салат. И принялась раздумывать о том, что бы ей взять на горячее, когда Галина Ермолаевна внезапно спросила у нее:

– Дорогуша, а вы не знаете, где наша Принцесса-Нищенка?

Так Галина Ермолаевна прозвала Наташу. Лично ей это прозвище казалось необычайно удачным, и она использовала его при всяком подходящем случае.

– А разве Наташи за ужином с вами не было? – спросила Мариша, чтобы потянуть время.

– Нет. Она не приходила.

– Наверное, придет позже.

– Это довольно странно. За все те дни, что мы тут с вами провели, эта женщина ни разу не задержалась ни на минуту. Ровно в шесть часов вечера она бывала уже за столом.

– Возможно, сегодня ей нездоровится. Или у нее нету аппетита.

На самом деле Мариша, конечно, понимала, что виной всему выпитый Наташей коньяк. Видимо, когда Мариша ушла, женщина прикончила бутылку в одиночку. И после выпитого спиртного просто заснула.

Но говорить об этом Галине Ермолаевне явно не стоило. Еще чего доброго, генеральша присоединит к обидным прозвищам, которыми она уже наградила Наташу, еще одно – Пьянчужка.

– Такая пунктуальность для женщины просто удивительна, – задумчиво продолжала тем временем Галина Ермолаевна. – Я лично такую пунктуальность наблюдала лишь у одного человека – моего мужа. Да еще, пожалуй, у солдат во вверенной его попечению части. Вот там все подчиненные являлись к столу минута в минуту!

– Но это же было в казарме, дорогая, – произнесла Нина Сергеевна. – А у нас в стране женщины в казармах не живут.

– Только на зонах, – тут же воскликнула Галина Ермолаевна. – Вот в чем все дело! Она знакома с режимом зоны! Наташе довелось побывать за решеткой!

Но Нина Сергеевна, как она ни была предубеждена против своей соседки по столу, не пожелала принять эту версию, выдвинутую подругой.

– Галя, ты хоть иногда думай, что говоришь! – воскликнула она. – Это что же получается, по-твоему, мы все это время сидели за одним столом с уголовницей?

Галина Ермолаевна при этих словах смешалась, смутилась и замолчала, что было ей совсем не свойственно.

Маришу же словно током шандарахнуло. А эта Галина Ермолаевна куда проницательнее, чем можно было предположить. К сожалению, последнюю фразу возмущенная Галина Ермолаевна выкрикнула слишком громко и на ее возглас стали оборачиваться другие посетители ресторана.

– О ком вы говорите, дорогая Галина Ермолаевна? Кто сидел? Кто уголовница? О ком это вы?

– Погодите, погодите, – отвечала всем вдова генерала. – Я должна все хорошенько обдумать. Не могу безосновательно выдвигать столь серьезные обвинения.

Мариша слушала гул любопытных голосов вокруг их столика и с ужасом понимала, что Наташина тайна, которую та только пару часов назад доверила Марише, вот-вот выйдет наружу. Сплетня такая заразная вещь, что если на одном ее конце и нету ничего, так вскоре обязательно появится.

Скажут не только, что Наташа сидела. Но скажут и о том, что сидела она по тяжелой статье за убийство своего любовника. Что судья оказалась матерью этого молодого человека и от души влепила убийце сына на полную катушку. И еще черт-те что придумают и разнесут по всему санаторию.

И кого обвинит в этом Наташа? Конечно, ее – Маришу! Объяснять потом, что всему виной досадная случайность, а также «испорченный телефон», будет бесполезно. Наташа на всю жизнь затаит против Мариши горькую и совершенно незаслуженную Маришей обиду.

– Галина Ермолаевна, – поспешно затеребила Мариша пожилую женщину. – Мне вам надо срочно что-то сказать.

И видя, что Галина Ермолаевна, вся поглощенная своими мыслями, не спешит обратить на нее внимание, Мариша выпалила:

– Мне кажется, что у меня начинаются роды!

Нина Сергеевна охнула. А Галина Ермолаевна тут же забыла про все свои подозрения по поводу Наташи и начала делать то, что у нее получалось лучше всего на свете, – отдавать команды.

– Немедленно идите к себе в комнату. Нина, проводи нашу молодую мамочку! А я пойду за врачом. Очень надеюсь, что тревога ложная, но в таком деле лучше не рисковать.

И чрезвычайно взволнованная Галина Ермолаевна побежала в кабинет врача. А Мариша в сопровождении Нины Сергеевны потопала к себе в номер. По пути она несколько

раз крутила головой по сторонам, пытаясь высмотреть высокую фигуру Наташи, но ничего у нее не получилось.

У себя в номере Марише пришлось улечься в постель, а потом терпеливо сносить осмотр врача, которого все-таки привела с собой деятельная Галина Ермолаевна. Осмотревший Маришу врач не нашел у нее никаких признаков начинающихся родов. Да и «боли», терзавшие Маришу, уже «стихли» к приходу врача.

Но на всякий случай сей эскулап посоветовал Марише до утра оставаться в постели, а при необходимости звонить ему. Любезный доктор даже оставил свой номер телефона и прибавил, что звонить ему можно в любое время суток. Хоть даже в три часа ночи. То ли прекрасная пациентка произвела на врача такое сильное впечатление, то ли платили ему в «Солнечном береге» очень хорошие деньги, заставляющие его быть столь любезным.

Марише было все равно. Ей хотелось одного – чтобы все наконец выкатились из ее номера, и она могла без помех ускользнуть к Наташе и предупредить ее о грозящей ей неприятности.

– Доктор, вы уверены, что Марише можно оставаться одной? А то я могла бы подежурить возле ее кровати.

Вот старая грымза! Мариша не могла сдержать досадливого стона, который все, впрочем, приняли за стон боли. Но, к счастью, врач отверг предложение генеральши.

– Ценю вашу заботливость, мадам, – шаркнул он перед ней ножкой. – В наше время мало найдется таких самоотверженных людей, готовых пожертвовать своим отдыхом ради блага другого человека. Я просто восхищен вами!

Нет! Ему точно хорошо платят!

– Так что, доктор? – кокетливо поинтересовалась Галина Ермолаевна, стрельнув в него глазками. – Может быть, вы осмотрите и меня тоже? Знаете, у меня сегодня были такие боли в груди… Вот тут вот слева. Как думаете, это сердце?

Внеплановый осмотр отнюдь не привел доктора в восторг. Но он, не теряя своей любезности, предложил пройти в номер к генеральше и совершить там осмотр. Вид у него при этом был довольно кислый. Но торжествующая Галина Ермолаевна ничего не заметила и поволокла свою жертву за собой. Наивная Нина Сергеевна засеменила за ними. И Мариша не без злорадства подумала, что тетенька еще получит за свою преданность от властной подруги.

Оставшись наконец одна, Мариша мигом спрыгнула с постели. Ничего у нее не болело. И вообще, чувствовала она себя на протяжении всей беременности отлично. Мариша не ощущала никаких неприятных симптомов, которыми ее пугали все вокруг.

Действительно, несколько дней по утрам в самом начале беременности ее слегка мутило. Но она отнесла это за счет голода и не придала никакого значения. А затем и тошнота прошла. И Мариша вообще стала чувствовать себя превосходно.

В общем, беременность никак не могла унять ее кипучей энергии. И сейчас девушка выскользнула из своего номера и поспешила в сторону люкса Наташи. Только бы не встретиться с врачом и старушками! Иначе, как она объяснит им свое мгновенное «выздоровление»?

– Наташа! – постучала Мариша в дверь люкса. – Откройте, Наташа, это – я!

И так как из номера не отвечали, она прибавила:

– Я должна вам кое-что сказать. Кое-что очень важное!

За дверью раздался какой-то шорох, и Мариша добавила надрыва в голос.

– Вам грозит опасность! – трагическим шепотом произнесла она. – Слышите?

Шорох за дверью усилился. Мариша толкнула дверь, которая, к ее удивлению, оказалась открытой, и очутилась в номере.

– Наташа? Вас не было на ужине, и я…

Не договорив, Мариша осеклась. На кровати, повернувшись лицом к стене, лежала Наташа. Дыхание у женщины было тяжелое. И кинув взгляд на стол, где стояла уже пустая бутылка коньяка, Мариша все поняла. Наташа просто пьяна и спит!

– Наташа? – повторила Мариша вполголоса, еще не зная, как ей следует поступить сейчас.

Разбудить женщину или оставить ее в покое до утра? Пожалуй, второй вариант был предпочтительнее, потому что вдруг Наташа будет недовольна, что ее разбудили? Балконная дверь в номере была открыта, и Мариша, заботливо прикрыв спящую теплым покрывалом, чтобы не простудилась, тихонько вышла из номера. Ничего с ней до утра не случится. А утром Мариша встанет специально пораньше, чтобы успеть еще до завтрака переговорить с Наташей и предупредить ее.

И все же что-то не давало Марише покоя. Она точно помнила, что когда в первый раз сегодня покидала номер Наташи, та специально встала и закрыла за ней дверь. Мариша даже помнила, как щелкнул замок у нее за спиной. Но когда Мариша пришла в люкс после ужина, дверь оказалась открыта! Куда же ходила Наташа, если на ужине ее не было?

Это было странно, но все же не настолько, чтобы Мариша стала забивать себе этим голову. Она просто машинально отметила этот факт и отложила его на дальнюю полочку, как поступала всегда и со всеми странными деталями или хотя бы даже и не странными, а хоть немного выходящими за рамки обыденного. И очень часто случалось, что потом эти детали пригождались Марише.

Так случилось и в этот раз.

Ночью Мариша спала плохо. Ей не давал покоя предстоящий разговор с Наташей. Сумеет ли она убедить женщину в том, что Галина Ермолаевна сама додумалась до ее тайны? Скорей всего, нет.

– Очень уж некстати все совпало! – ворочалась в постели без сна Мариша. – Что бы старушенции сделать свое открытие хотя бы днем раньше и при Наташе? Пусть бы Наташа сама выкручивалась как хотела.

Наконец Мариша поднялась и принялась бродить по своему номеру. Внезапно ей стало душно, и она вышла на балкон. Благодать! Жадно вдохнув полной грудью свежего ночного воздуха, Мариша принесла из комнаты стульчик, накинула на себя плед и с удобством устроилась на балконе.

Окна ее номера выходили на речку. И сейчас Мариша, всматриваясь в береговую линию, не без удивления увидела темную фигуру, которая решительными шагами двигалась от санатория в сторону реки. Кто это может быть? И что этому человеку понадобилось на берегу реки в ночное время? Ведь если территория санатория освещалась и ночью многочисленными фонарями, фонариками и гирляндами огоньков, то берег реки оставался в этом плане совершенно диким и темным.

– Что за ерунда? – удивилась Мариша. – Было бы еще лето, тогда понятно. Но сейчас? Купаться пока нельзя. А что делать на берегу речки в такой темноте?

Версия о том, что человек решил просто прогуляться, была отвергнута Маришей раз и навсегда. В темноте недолго и свалиться куда-нибудь. Свалилась же она сегодня. То есть свалилась бы, кабы не поддержка Наташи.

При этой мысли Мариша невольно взглянула в сторону люкса и с удивлением обнаружила, что в нем горит свет. Выходит, Наташа уже проснулась? Ну да, наверное, действие коньяка закончилось, и женщина пробудилась.

– Сходить, что ли, проведать ее?

Мариша произнесла эту фразу вслух. И сразу же поняла, что не надо ей ждать утра. Она может пойти и поговорить с Наташей прямо сейчас. И возможно, после этого разговора наконец сможет уснуть!

– Одна только беда, вдруг Наташа мне не поверит? Вдруг она решит, что это я все растрепала старухам? Ну, была не была, надо пойти и сказать. Если не скажу сейчас, потом будет еще хуже!

И Мариша решительным шагом двинулась в сторону номера Наташи. Переодеваться она не стала. Ее байковая пижама, усыпанная мелкими колокольчиками, казалась ей достаточно приличной одеждой для прогулки по спящему санаторию. В конце концов, она ведь не на бал собралась. Всего лишь идет перекинуться парой слов с подругой.

Но возле люкса Наташи она чуть не попалась. По этажу проходил ночной сторож – Валерий Кузьмич. Кузьмич был отставным военным, прапорщиком. Строг он был невероятно. И его совершенно не интересовало, сколько денег заплатили отдыхающие в «Солнечном береге» люди. Раз человек оказался во вверенном его попечению подразделении, значит, он был должен неукоснительно соблюдать все правила и выполнять все требования Кузьмича.

А требования у поборника порядка были следующими. В одиннадцать часов отбой. И после отбоя никаких прогулок по территории санатория. Виновные подвергались строгому выговору из уст самого Кузьмича и последующему докладу их лечащему врачу.

– Вы поймите, странные вы люди, вы ведь сюда не на отдых приехали. Вы сюда лечиться приехали. Вот и лечитесь! И мы вам в этом всеми силами посодействуем. А какое же это будет лечение, если вы до полуночи будете шастать, а в восемь утра у вас уже завтрак? Это сколько часов на здоровый сон получается? Меньше восьми часов! Нет, так ни в коем случае нельзя поступать со своим организмом! Это вам любой врач скажет.

Насколько знала Мариша, строгий Кузьмич даже выступил с предложением после одиннадцати часов вечера отключать электричество во всех жилых помещениях. Но это вызвало резкий протест как со стороны отдыхающих «Солнечного берега», так и со стороны администрации.

Но запретить Кузьмичу регулярно совершать рейды с проверкой территории не мог никто. Вот он их и совершал. И сейчас Мариша чудом избежала разоблачения, спрятавшись за огромную раскидистую пальму. Кузьмич прошел мимо, не обратив на нее внимания, лишь недовольно пошевелив своими густыми усами.

– И что за народ такой эти бывшие отдыхающие? – прогудел бывший прапорщик. – Всю себе ходют и ходют. Никак покой не обретут! Думают, что если платят, то все им позволено? Порядок должен быть один для всех!

Но Марише было некогда вдумываться в странный смысл слов Кузьмича. Она метнулась к двери люкса и, толкнув ее, быстро забежала в номер. Лишь закрыв за собой дверь, она почувствовала, как стучит у нее в груди сердце. Часто-часто! Тук-тук! Тук-тук! Тук-тук! Мариша с трудом перевела дух и прислушалась. Вроде бы опасность отдалилась.

Девушке не хотелось признаваться в этом даже самой себе, но она побаивалась строгого Кузьмича. Побаивалась и недолюбливала. Ей казалось, что живущий в таком чудесном месте человек мог бы и расслабиться и хотя бы частично забыть свои армейские привычки и замашки. Хотя, как знать, возможно, Кузьмич и менялся в лучшую сторону? Ведь раньше-то его Мариша не знала совсем. Он мог быть и еще хуже. Гораздо, гораздо хуже.

– Наташа! – подала голос Мариша. – Это я! Не бойтесь! У меня к вам важный разговор, а там бродит Кузьмич. Могу я остаться?

Наташа ей ничего не ответила. Спит, решила про себя Мариша. Уйти, что ли? К тому же свет в люксе больше не горел. Но напуганная встречей с Кузьмичом Мариша сообразила это лишь спустя некоторое время.

Выходит, за те несколько минут, что Мариша бежала до люкса Наташи, последняя не только успела выключить свет, но и легла спать и даже крепко уснула? Настолько крепко, что не слышит Мариши? Чушь какая-то!

– Наташа! – произнесла Мариша погромче. – Я тут! Простите, если разбудила, но у меня к вам дело.

Мариша сделала несколько шагов, наткнулась на какую-то преграду, которая подалась у нее под ногами, а затем с громким дребезжанием и звоном покатилась в сторону. А сверху нее с грохотом свалилась еще и сама Мариша, не удержавшая равновесия.

Ахнув после падения, Мариша даже позеленела от страха. Ну, сейчас начнется! Крик, шум, разоблачение! Но ничего не началось. Наташа не издала ни звука. И номер был все так же тих и темен.

В душу к Марише помимо ее воли начал закрадываться страх. Да что тут такое происходит? Почему Наташа никак не реагирует на шум? Тут падало и звенело так, что и мертвый бы проснулся! Выходит, Наташи нету? А куда же она ушла? И зачем?

Недолго думая, Мариша решила разобраться в происходящем до конца. Она помнила, что свет в люксе включается и выключается при звуке хлопка в ладоши. Этакая фенечка, которая неизменно приводила в восторг и вызывала зависть обитателей всех прочих номеров, в которых такого прикола с освещением не было и в помине.

Мариша никакой зависти не испытывала. Но сейчас она не без удовольствия хлопнула в ладоши. И свет зажегся.

Лучше бы он не зажигался никогда!

Глава 3

При ярком свете, от которого у нее вначале заболели глаза, Мариша увидела, что она натворила. Перед ней лежало унизанное монетками дерево. Дерево было сделано из какого-то блестящего металла. Монетки тоже. Все вместе они звенели на ветру. Но вот странно, это декоративное дерево Мариша видела сегодня у Наташи в люксе, но тогда оно стояло на полке в холле. А чтобы оно валялось прямо на полу, такого Мариша что-то не могла припомнить.

Аккуратно поставив дерево обратно на подставку, с которой кто-то его уронил на пол, Мариша уже более осторожно проследовала дальше. Неприятное чувство, которое охватило ее недавно при зажженном свете, ничуть не унялось, а, напротив, еще больше усугубилось.

Мариша миновала прихожую и оказалась непосредственно в комнате. Вот и кровать. А в ней спит Наташа. Женщина лежит в точно таком же положении, лицом к стене, в каком ее и оставила Мариша. Видимо, это была любимая поза для сна у Наташи.

У каждого есть излюбленное положение, в котором ему спится лучше всего. Например, сама Мариша предпочитала спать на животе, повернув голову направо и засунув обе руки под подушку. Правда, из-за растущего внутри нее младенца ей с каждым днем становилось все труднее и труднее спать так. И она даже подумывала о том, что недалек тот час, когда ей вовсе придется отказаться от этой привычки. Но пока что Мариша держалась.

А вот Наташе ничего не мешало спать так, как ей нравится. И она преспокойно дрыхла на левом боку. Да так крепко, что даже не услышала шума, который произвела Мариша у нее в номере. Непроизвольно Мариша поискала взглядом еще одну бутылку спиртного. И увидела ее! На тумбочке возле широкой кровати стояла бутылка из-под дорогой водки. Бутылка была выполнена в виде головы дельфина.

Ситуация прояснилась в один момент. Наташа встала, выпила еще водки, а потом снова завалилась спать. Правда, оставалось неясным, где она ее раздобыла. Да еще такую дорогую. И ведь после десяти часов вечера благодаря мудрому указу нашего президента приобрести крепкое спиртное невозможно.

Впрочем, как известно, кто ищет, тот всегда найдет. Недобросовестных продавцов, готовых продать водку из-под полы, найти совсем не трудно. Вот только где же все-таки Наташа взяла деньги на бутылку и на подкуп продавца?

– Наташа, вы спите? – на всякий случай спросила Мариша, уже поняв, что приятельница ее не слышит.

Дрыхнет себе без задних ног. Напилась и дрыхнет. А еще спортсменка! Пусть даже и бывшая.

– Эх, Наташа, Наташа! – вздохнула Мариша, нагибаясь и поднимая упавшее на пол покрывало.

Она намеревалась снова укрыть им спящую Наташу, потому что ночь выдалась прохладной, и Мариша даже в своей байковой пижамке успела изрядно продрогнуть от дующего из окна сквозняка. Что уж говорить про Наташу, которая спала под одним лишь тоненьким одеялком.

Но подняв с пола теплое покрывало, которое одновременно служило и одеялом, Мариша замерла. На светло-бежевом фоне с красивыми ткаными узорами явственно выделялись уродливые темно-бурые пятна. Они были совсем свежие и еще пачкали пальцы. И к тому же они издавали характерный сладковатый запах. И поднеся испачканные пальцы поближе к лицу, Мариша ощутила, как слипаются они между собой.

– Кровь! – ахнула она. – Это кровь!

И потянув покрывало на себя, не сдержалась и закричала:

– Ой, мамочки! Тут повсюду кровь!

Действительно, покрывало было с другой стороны густо испачкано кровью. Но откуда она взялась? Маришин взгляд упал на спящую Наташу, и сердце у девушки дрогнуло. Сколько времени она находится в люксе, а Наташа ни разу не пошевелилась, не застонала и вообще не издала ни единого звука. Разве может живой человек, пусть даже и пьяный в стельку, спать так крепко? Нет, не может!

Непроизвольно рука Мариши сама собой потянулась к Наташиному плечу.

– Наташа, вы живы?

Мариша сильно потрясла женщину за плечо, но была вынуждена отпрыгнуть в сторону, когда та перевернулась. Перевернулась тяжело. И упавшая на кровать рука была тяжела и безжизненна.

– Наташа, чего это вы?! Что с вами?

Мариша наклонилась поближе к женщине и внезапно услышала дикий вопль. Боже, кто же может так громко кричать? И зачем? Ведь сейчас все обитатели «Солнечного берега» переполошатся. И Кузьмич прибежит!

Но спустя еще одну секунду Мариша внезапно поняла, что кричит она сама. И кричит потому, что лежащая перед ней женщина вовсе не имела лица. Вместо него у нее было одно кровавое месиво – уродливое и безобразное.

Отшатнувшись, Мариша поняла, что надо бы ей заткнуться, но она не могла. Кричала, кричала и кричала, пока в номер не ворвался Кузьмич с дико встопорщенными усами. Он одним взглядом оценил обстановку. Подскочил к Марише и влепил ей сильную оплеуху.

Как ни странно, Мариша даже испытала к нему нечто вроде благодарности. Пусть Кузьмич и повел себя грубо, но, во всяком случае, теперь у нее в ушах перестал звучать этот ужасный крик. И она смогла изъясняться нормальными словами.

– Она мертва! – закричала Мариша, трясясь всем телом. – О боже! Бедная Наташа! Кто же ее так?

– Не знаю, гражданочка, не знаю.

И подозрительно покосившись на Маришу, спросил:

– А это не вы ее случайно?

– Я?! – ужаснулась Мариша одному только такому предположению. – Нет, не я! Что вы!

– Верю. Кабы вы сами это сделали, так не вопили бы громко, на ваш ор сейчас все сбегутся.

– Я не хотела. Оно само как-то получилось.

Кузьмич крякнул.

– Оно и понятно, с непривычки-то тяжеловато такое видеть. Не приходилось вам еще на трупы смотреть, да, гражданочка?

– Приходилось, но не на такие страшные, – откровенно призналась Мариша. – Тут же лица совсем нет. Одно безобразное месиво.

– Да уж, потрудился кто-то над бедняжкой изрядно. Интересно, кому же это она так досадила? На простое ограбление не похоже. Орудовали, явно стараясь убить.

– Бедная Наташа!

Кузьмич снова подозрительно покосился на Маришу и спросил:

– Вы тут никого не видели?

– Нет. А вы?

– Я? – казалось, удивился ее вопросу Кузьмич. – Нет, не видел.

Прозвучало это у него как-то странно. Не вполне искренне, что ли. Но перепуганная и шокированная всем происходящим Мариша не обратила на это внимания.

– Кузьмич, миленький, послушайте, но надо же что-то делать, – взволнованно пробормотала она. – Как вы думаете?

– Делать? – очнулся Кузьмич. – Да, действительно… Ментов вызывать надо, вот что!

– А вы знаете, как?

Оказавшись далеко от родного города, Мариша как-то даже растерялась. Куда тут звонить? Тоже «02» или есть какой-то другой, местный телефон? Оказалось, что есть. И Кузьмич его прекрасно знал. Позвонив ментам, он озабоченно покачал головой.

– Не дело вам тут оставаться, дорогая гражданочка. Пойдемте-ка мы с вами отсюда.

– Погодите! А Наташа?

– Ничего ей уже не сделается, – грустно произнес Кузьмич. – Что с ней могло случиться плохого, уже случилось. Так что пойдемте.

Мариша не протестовала. И мужчина отвел ее вниз, к стойке администрации. Переговорил о чем-то с ночным портье, который очень быстро из румяного и цветущего стал бледным и сникшим, а потом вновь вернулся к Марише.

– Ну, как вы? – спросил он, причем в его голосе Марише послышалось что-то похожее на сочувствие. – Переживаете?

Переживаете! Придумал тоже! Да она просто в шоке! Найти в темном номере обезображенный труп своей приятельницы – это называется «переживаете»! Мариша потеряла дар речи, а Кузьмич, окончательно войдя в роль утешителя, заметил:

– Ничего, ничего! Пожила уж свое покойница, будет ей.

Мариша вторично потеряла дар речи и обрела его лишь после того, как примчалась Зоя Ивановна – главный администратор санатория. Именно у этой достойной дамы в любовниках и сожителях и состоял Валерий Кузьмич. И это было одной из причин, почему неуживчивый отставник так прочно прижился в «Солнечном береге».

Зоя Ивановна была дамой авторитарной и монументальной, появлявшейся на людях не иначе как с пышной башней, сооруженной у нее на голове. Мариша подозревала, что эта прическа в большинстве своем состоит из чужих волос. Уж больно гладкими и блестящими были пряди на голове Зои Ивановны!

Ее подозрение подтвердилось, когда она сейчас увидела Зою Ивановну, можно так сказать, в неглиже. На голове у администраторши лежали неровные редкие волоски, из которых даже самый великий умелец вряд ли смог бы соорудить приличную прическу.

Одета Зоя Ивановна была в прелестную розовенькую ночнушку, стыдливо прикрытую сверху стеганым трикотажным халатиком. Впрочем, халатик тоже был нежно-розового цвета. Да еще по круглому вороту и отвороту рукавов шли пышные розовые кружавчики, а карманы были украшены богатой вышивкой с золотом и розочками.

– Девочка моя! – кинулась к Марише администраторша с распростертыми объятиями. – Жива! Счастье-то какое!

Немножко испугавшись, Мариша попыталась отстраниться от Зои Ивановны. Такое бурное проявление чувств насторожило ее.

– Что с вами?

– Что со мной?! – воскликнула Зоя Ивановна. – Да мне сказали, что ты мертва! Убита! Этот дурак Валерий Кузьмич поднял меня среди ночи, ничего толком не объяснил, но напугал до полусмерти. Твердил что-то про тебя и про убийство. А ты жива! Ну, дурак! Попадись он мне только под руку… Уж я его… Уж я ему…

Зоя Ивановна обернулась в поисках злополучного Кузьмича. Но тот куда-то делся, и она снова переключилась на Маришу и принялась душить ее в своих объятиях.

– Деточка! Золотко! Рыбка моя! Жива! Как хорошо, репутация нашего заведения не пострадает!

Мариша пыталась высвободиться и что-то объяснить, куда там! Зоя Ивановна превосходила ее мощью в два раза. А бурностью эмоций раз в десять.

– Да не меня убили! – наконец сумела выкрикнуть полузадушенная Мариша. – Другого человека убили! Понимаете?

Зоя Ивановна остановилась и уставилась на Маришу. На какое-то время той даже стало стыдно за свои слова. Ну зачем она не дала человеку порадоваться? Ведь счастлива же была Зоя Ивановна, словно дитя! А теперь! Глаза потухли! Руки опустились! Вся она сплошная скорбь и горе. Стыдно прямо!

– Как? – прошептала Зоя Ивановна, отстраняясь от Мариши. – Кого-то все-таки убили?

– Да!

– И кого же?

– Наташу!

– Но, дорогая моя… Кузьмич сказал…

– Не знаю, что вам там наплел ваш отставник, а я вам скажу, что убийство было совершено этой ночью. И совсем недавно. Когда я трогала труп, он был еще совсем теплый. Ясно вам?

– Ой! – схватилась за свои пышные щеки Зоя Ивановна. – Неужто?

– Да!

– А Кузьмич…

– Не знаю, что вам сказал ваш Кузьмич, и не знаю, что вы там поняли, только я вам заявляю со всей ответственностью… Убита другая женщина! И в люксе лежит ее труп!

Последняя фраза прозвучала у Мариши несколько громче, чем она намеревалась. И вошедшие в этот момент в фойе старушки-подружки испуганно ойкнули. Мариша не успела удивиться тому, что они тут делают. Казалось бы, бывшая генеральша и полковница должны были быть приучены к армейскому порядку, заведенному Кузьмичом, и не должны были шастать среди ночи по санаторию, а вот поди ж ты!

Вдовы пришли среди ночи, да еще и оделись по-парадному. Никаких пижам или ночных рубашек на старушках не было и в помине. На Галине Ермолаевне был элегантный брючный костюм из твида. А на Нине Сергеевне длинная юбка и свободный вязаный жакет сверху. И прически обеих пожилых дам были выше всяческих похвал. Аккуратные, волосок к волоску! Да еще и губы их были подкрашены, а глаза умело подведены.

И когда, спрашивается, они успели встать, привести себя в порядок и одеться, если с момента обнаружения трупа прошло не больше десяти-пятнадцати минут? Нет, что-то в замужней жизни с военными все-таки определенно есть. Волей или неволей приучаешься к железному распорядку дня и самодисциплине.

– Мариша! – кинулась к девушке Галина Ермолаевна. – Милая! Как вы?

– Едва только узнали ужасную новость, как сразу же прибежали! – вторила подруге Нина Сергеевна.

Мариша искренне удивилась:

– Узнали? Но откуда вы узнали?

– Ах, дорогая, вы так громко кричали.

– А сон у нас уже совсем не тот, что в молодости.

– Сначала мы подумали, что с вашим ребенком… Ну, словом, что вы плохо себя чувствуете и зовете на помощь.

– Но потом мы поняли, что крик идет совсем не из вашего номера.

– И мы сообразили, что дело неладно.

– А потом услышали, что произошло убийство.

– Какой страх и ужас для всех нас!

– Скоро и другие отдыхающие прибегут.

– Мы просто самыми шустрыми оказались!

И остановив свой речитатив, старушки уставились на Маришу и дружно спросили:

– Скажите, дорогая, зачем вас понесло среди ночи в номер той женщины?

– Меня? Меня… Ничего.

Старушки продолжали укоризненно смотреть на Маришу. Мол, не ври! Скажи нам правду. Ведь видим же, что тебе там было что-то нужно.

– Понимаете, мне не давало покоя то, что Наташи не было за ужином.

– И что?

– И я захотела посмотреть, что с ней!

– В три часа ночи?

– Но у нее в номере горел свет. Вот я и подумала, что раз она не спит, то будет рада меня видеть.

– Ночью?!

Старушки укоризненно покачали головами. Они явно не одобряли такого поведения. Но вслух ничего не сказали. И Мариша была им очень благодарна за это.

– А что же все-таки произошло, душенька? – с жадным любопытством спросила Нина Сергеевна у Мариши. – Что с ней случилось?

Мариша не была уверена, что нужно говорить все начистоту. Да она бы и не успела, потому что в этот момент в холле появилась целая группа встревоженных отдыхающих. Все они были кто в пижамах, кто в халатах, а кто и просто в «спортивках», которые натянули на голое тело. Но все были одинаково возбуждены и взбудоражены.

– Что это были за дикие крики?

– Кого-то зарезали?

– Кто-то умер?

– Почему у ворот милицейская машина?

– Что случилось?

– Где труп?

– Кого убили?

Мариша была просто поражена. Оказывается, она вопила так, что перебудила половину санатория. Она должна принести свои глубочайшие извинения администрации. Теперь им вряд ли удастся удержать случившееся в тайне.

– Это она кричала, – услышала Мариша позади себя тоненький голосок Нины Сергеевны. – Дело в том, что в люксе произошло убийство.

Больше ей сказать ничего не удалось. Потому что в холл вошли трое полицейских в сопровождении Кузьмича. Обнаружив среди ночи в холле санатория целую толпу людей в пижамах, они слегка растерялись. Но ненадолго. Один из полицейских обратился к Кузьмичу с каким-то вопросом, и тот в ответ кивнул головой на Маришу.

Полицейские оживились и направились в ее сторону. Толпа перед ними почтительно раздвигалась, а затем снова смыкалась.

– Это вы обнаружили тело? – утвердительно произнес один из прибывших ментов, остановившись прямо перед Маришей. – Пройдемте с нами.

Остальные полицейские начали разгонять толпу.

– Расходитесь по своим комнатам, товарищи, – твердили они. – Ничего интересного тут не будет!

Но люди уходили неохотно. Их любопытство не было удовлетворено. Всем хотелось знать, кого убили, когда и как именно это произошло. Поэтому отдыхающие окружили вдовствующих подруг, которым такое внимание общественности явно пришлось по вкусу. Они моментально оживились и защебетали, давая показания, живописно приукрашенные их собственной фантазией.

Впрочем, Мариша этого уже не видела. Ее провели в какую-то административную комнату, где и оставили наедине с двумя полицейскими. Оба они были молодыми, вряд ли старше самой Мариши. И разглядывали они ее с вполне понятным интересом.

Марише их интерес льстил ровно до тех пор, пока она не сообразила, что ребята просто прикидывают, могла она кого-то замочить или у нее кишка для этого тонка. Переходить из разряда свидетелей в разряд обвиняемых Марише категорически не хотелось, поэтому она тут же заявила:

– Сразу же хочу вам сказать, что я никого не убивала.

– Расскажите все, что знаете, – строго велел ей один из полицейских. – Ничего не утаивайте, это не в ваших интересах!

Второй запрыгнул на стол прямо перед Маришей и уставился на нее с доброй и поощрительной улыбкой.

– Не бойтесь, – произнес он, улыбаясь еще шире. – Вас ни в чем не подозревают!

Все ясно! Ребята решили играть в доброго и злого полицейского. Ну, возможно, с кем-то эти фокусы и прошли бы, но только не с Маришей. Она на своем веку повидала столько следователей, и опытных в том числе, сколько эти ребята не видели в своей жизни.

И все же обращаться Мариша стала к тому полицейскому, который ей улыбался. Ничего не поделаешь, психология!

– Понимаете, мне нужно было сказать Наташе, что это вовсе не я растрепала всем о том, что она в недавнем прошлом сидела в тюрьме. Поэтому я и пошла к ней среди ночи. До утра ждать никак не могла. Вот и пошла!

По взглядам, которыми обменялись полицейские, Мариша поняла, что они придали ее словам большое значение.

– Значит, у покойницы имеется уголовное прошлое?

– Ну, если она мне все не наврала…

– Наврала? А зачем?

– Есть такие люди, которые просто не могут не приврать. И не надо им, и пользы никакой от вранья нет, а все равно врут.

– Знаем таких, – снова переглянулись полицейские.

– Но мне кажется, что Наташа была не из них, – продолжала Мариша. – Мне показалось, что она говорила о своем прошлом вполне искренне. Но меня ее история взволновала. Наташа мне доверилась, я поклялась молчать о ее тайне. А потом Галина Ермолаевна за ужином вдруг заговорила о том, что Наташа-то, похоже, хорошо приучена к казенному распорядку дня. И значит, она долгое время провела в казенном доме, в тюрьме то есть. И остальные тоже подхватили эту сплетню.

– Хм, Галина Ермолаевна? Одна из старушенций, которых мы видели в холле?

– Да, в брючном костюме.

– Занятная особа, – оценил оперативник. – А подружка ее?

– Нина Сергеевна, – ответила Мариша. – Та, что в юбке и белом жакете.

– Интересно, они так прямо в одежде и спят?

– Вряд ли. С чего вы решили?

– А когда они успели одеться? Все остальные выскочили кто в чем. А эти появились при полном параде.

Вообще-то Маришу это тоже заинтриговало. Старушки появились первыми и при этом были аккуратно одеты. Либо они должны были уметь одеваться по-армейски, либо… либо они вовсе не спали! Отогнав от себя мысли о том, как генерал и полковник муштровали своих жен, заставляя тех одеваться и раздеваться, пока горит спичка, Мариша решила, что спросит у подружек потом об этом как-нибудь сама.

Сейчас же ей предстояло вдумчиво и без трепыханий рассказать о том, как она провела сегодняшний вечер и ночь. К тому времени, когда Мариша подошла к описанию того, как она вошла в Наташин люкс, вернулись оперативники с осмотра места происшествия.

– Убийство, – холодно бросил один из них. – Никаких сомнений. Жертву лупасили металлической палкой по лицу и голове, пока не убили. Опознавать там нечего.

– А чего опознавать? Документы у нее есть?

– Паспорт в тумбочке рядом, выписан на имя Гражданки Натальи.

– Гражданки Натальи? А фамилия у этой гражданки есть?

– Это и есть ее фамилия. Гражданка.

– Гражданка… Гражданка… что-то такое знакомое. Крутится в голове, а вспомнить не могу. Стоп! Гражданка! Это ведь фамилия первой жены нашего депутата! Ну того, которого на прошлых выборах в наше собрание избрали!

– Точно.

– Он вроде бы бывший предприниматель – господин Лопатин.

– Да, да! – обрадовалась Мариша. – Точно! Лопатин! Наташа тоже называла эту фамилию. И она была его женой!

– Не-а, – не согласился с ней опер, взглянув в паспорт. – Жена у Лопатина совсем другая – молодая и длинноногая. И зовут ее как-то по-иностранному… Аглая… Аделия… А! Вспомнил! Омелия!

– Наташа – это его первая жена. Он с ней развелся, когда она… когда они…

Мариша замялась, не зная, стоит ли рассказывать оперативникам о том, что ей поведала Наташа об их с мужем криминальных делишках. С одной стороны, надо бы сказать, а с другой – у нее нет никаких доказательств, что Наташа говорила правду.

– Бывший муж или нынешний, а алиби его проверить надо бы, – произнес оперативник. – Как вы считаете?

Сотрудники мялись и переглядывались. Связываться с депутатом никому не хотелось.

– Наташа говорила, что муж должен ей денег, – вырвалось у Мариши. – Говорила, что за ним долг.

– И большой?

– Да. Очень!

Оперативники снова переглянулись. Необходимость поговорить с мужем убитой женщины вставала перед ними во всей своей неотвратимости.

Для виду они еще задали Марише несколько вопросов, а потом отпустили ее, предупредив, что в ближайшее время ей придется еще раз повторить свои показания. Мариша ничего другого и не ожидала.

И угораздило же ее вновь вляпаться в убийство!

– А орудие преступления уже нашли? – спросила она у проводивших досмотр места убийства оперативников.

– Да. Ее убили такой металлической хреновиной, на которую какой-то кретин навесил целую кучу монеток.

Денежное дерево! Мариша содрогнулась от охвативших ее воспоминаний.

– А я ведь держала эту штуку в руках! – воскликнула она. – На ней есть отпечатки моих пальцев.

Теперь оперативники смотрели на нее уже с откровенным подозрением.

– Я вошла, было темно, – принялась оправдываться Мариша. – Я споткнулась обо что-то и уронила эту палку… это дерево! То есть нет, оно уже валялось на полу. Кто-то уронил его до меня! О боже! Это сделал убийца! Сначала он убил Наташу денежным деревом, а потом, убегая, бросил его возле выхода из номера.

– Ну, он бросил, допустим. А вы-то подняли зачем?

– Не знаю, как вас, а меня с детства приучали к аккуратности, – гордо заявила Мариша.

И по взглядам, которыми снова обменялись оперативники, она поняла, что эта ее пресловутая аккуратность может ей теперь стоить очень и очень дорого.

Поспать в ту ночь Марише так и не пришлось. Вернувшись к себе в номер, она едва успела принять душ и переодеться в нормальную одежду, как к ней валом повалили посетители. Разумеется, первыми явились старушки-неразлучницы.

– Дорогая, как вы?!

– Мы слышали, что эти ужасные люди подозревают вас в убийстве Наташеньки!

– Это просто невероятно!

– Неслыханно!

– Вас!

– Беременную женщину!

На взгляд Мариши, беременность никак не могла служить явным доказательством чьей-то вины или, наоборот, невиновности. Конечно, беременная женщина больше погружена в себя самое, она куда чаще прислушивается к тому, что происходит у нее внутри, чем к тому, что творится вокруг нее. Но все же нельзя совсем отрицать наличия агрессии или злобы у беременных женщин. Они точно так же способны злиться, переживать и… и убивать, как и все прочие.

– В моем случае это действительно бред, – согласилась со старушками Мариша. – У меня не было ни малейшего повода убить Наташу. Да еще ночью и с такой изощренной жестокостью!

– Мы слышали, ее забили палкой!

– До смерти!

– Какой ужас!

– Остается только надеяться, что бедняжка мирно спала и первый же удар оказался смертельным.

– Так она ничего бы не почувствовала.

– И даже не поняла, что умирает!

– О такой смерти я всегда и мечтала!

– Ну, что ты такое говоришь, Галя!

– Молчи, ты ничего не понимаешь. Я имею в виду, что хотела бы умереть во сне и быстро, а не мучиться по больницам до тех пор, пока жизнь не мила станет!

Марише пришлось еще некоторое время терпеливо выслушивать комментарии старушек. И лишь с большим трудом ей удалось выдворить их под предлогом невероятной усталости. Но отдохнуть немного перед завтраком ей была не судьба. На место старушек пожаловали новые посетители. И хотя наученная Мариша больше никого к себе в номер не впускала, отвечать на вопросы ей все же пришлось. Так что об отдыхе можно было смело забыть.

Да и вообще, у Мариши складывалось такое ощущение, что ее спокойным и ничем не омраченным денечкам в «Солнечном береге» пришел полный и окончательный конец.

Глава 4

На завтраке у Мариши сложилось такое ощущение, как будто бы она выиграла в лотерею миллион долларов или внезапно стала кинозвездой. Еще вчера она была рядовой отдыхающей, вызывающей лишь вежливый интерес и легкую, ни к чему не обязывающую симпатию, а сегодня вдруг превратилась в мегазвезду местного масштаба.

К ней подходили, с ней ручкались, у нее спрашивали о здоровье. Ей выражали сочувствие и ахали тому, как она вообще пережила такой ужас.

– Если бы я нашла труп, то, наверное, умерла рядом с ним!

– Как вы не побоялись идти одной, ночью, через весь корпус!

– А что вы почувствовали, когда поняли, что ваша знакомая мертва?

– Вы испугались?

– А ваш ребенок? Он-то хотя бы жив?

От всех этих глупостей у Мариши буквально закружилась голова, и ее впервые за все время беременности стало всерьез подташнивать. Она торопливо проглотила что-то лежащее у нее на тарелке, не чувствуя вкуса и даже не понимая, что она ест. Кофе Мариша допивала уже на ходу. Она буквально убегала из ресторана, на своей шкуре чувствуя, как тяжело приходится в реальной жизни настоящим звездам.

К себе в номер Мариша не пошла, прекрасно понимая, что ее и там достанут. Вместо этого она решила прогуляться к речке. Ноги сами понесли ее к тому месту, где вчера ночью Мариша видела сомнительную темную фигуру. Тогда она подумала на Кузьмича, но теперь понимала, что фигура у реки была куда изящнее отставника, чье телосложение больше напоминало сложение гориллы. Широкие плечи, короткие и кривые ноги, несоразмерно длинные руки и маленькая, почти совершенно лишенная шеи голова.

– Тот, кого я вчера ночью видела у реки, был куда фигуристее.

И вот теперь девушка следовала по той тропинке, по которой вчера должна была пройти таинственная личность. Что Мариша ожидала тут найти или увидеть, она не могла четко объяснить даже самой себе. Просто она знала, что должна здесь пройти. Должна, и все тут!

Днем идти было совсем не страшно. Вначале дорожка даже была облагорожена стараниями дизайнера, работавшего в «Солнечном береге». Затем она постепенно превратилась в обычную утоптанную тропинку, которая и привела Маришу к речке, на дикий пляж.

Оказавшись на пляже, Мариша принялась озираться по сторонам. Что могло понадобиться тут таинственной ночной личности? Пляж, на котором в летний сезон купались отдыхающие «Солнечного берега», во всяком случае основная их масса, располагался чуть дальше.

Тот пляж был облагорожен, засыпан привозным белоснежным песком, на котором с удовольствием нежились и взрослые, и дети. А тут берег был самым обычным, поросшим жесткой травкой. Ни зонтиков, ни шезлонгов, дикий уголок для любителей природы и уединения.

Что могло понадобиться тут кому-то весенней ночью, когда о купании в реке не могло быть еще и речи?

Чтобы ответить на этот вопрос, Мариша принялась внимательно осматривать берег. И едва ей показалось, что она что-то там у воды такое увидела, как внезапно почувствовала за своей спиной чье-то присутствие. Быстро обернувшись, она увидела Кузьмича, стоящего всего в нескольких шагах от нее и молча наблюдающего за ней.

– Я не слышала, как вы подошли. Вы меня напугали, – произнесла Мариша с укором. – Разве можно так неслышно подкрадываться?

– Не меня вам следует бояться, дорогая гражданочка, – со странной ухмылкой произнес отставник. – Совсем не меня.

– На что вы намекаете?

– Ни на что. Только по территории бродит убийца. А вы… Вот что вы тут делаете? Одна да еще в такое время?

– Какое время? Самое обычное сейчас время, подходящее для прогулки.

– И вы тут гуляете?

– Да! Гуляю!

Последняя фраза получилась у Мариши с каким-то вызовом. Но ее страшно раздражал этот человек, который явно понимал, что девушка явилась сюда неспроста. И это ему почему-то не нравилось. Марише присутствие Кузьмича не нравилось. Так они и стояли друг напротив друга, страшно недовольные.

– Вот вы гуляете, а вас там следователь дожидается, – произнес Кузьмич. – Бегает, сердечный, по всей территории, вас ищет. Хорошо, что я заприметил, куда вы после завтрака направились. А то обыскались бы вас, гуляющей!

– Меня ищет следователь? Что же вы сразу не сказали!

И Мариша сделала вид, что идет, но тут же воскликнула:

– Ой! Нога!

– Что с вами?

– Нога подвернулась! Помогите мне. Нет, лучше дайте палку. Вон там за вами валяется. Я с ее помощью сама до следователя доковыляю.

И видя, что Кузьмич не шевелится, девушка прикрикнула:

– Ну же! Не весь век же мне тут стоять! Сами сказали, следователь меня дожидается! Давайте палку! Скорей!

Кузьмич машинально обернулся в ту сторону, куда указывала Мариша. И пока он поднимал с земли увесистую корягу, Мариша быстро наклонилась и подхватила свою собственную находку. Это было что-то маленькое и блестящее. Но что именно, у Мариши не было времени рассмотреть.

Она просто спрятала найденную вещицу в карман и с достоинством сказала ошарашенному Кузьмичу, который протягивал ей сучковатое полено вместо трости:

– Благодарю, но мне стало лучше. Оставьте это себе.

И пока отставник переваривал услышанное, Мариша резво побежала по тропинке в сторону санатория. Она спиной чувствовала взгляд Кузьмича, так и стоящего на берегу, держа в руках длинную кривую корягу, с помощью которой Марише удалось обвести его вокруг пальца.

Следователь действительно дожидался Маришу. Кузьмич ей не соврал. И Марише сразу же пришлось поехать в полицейское управление и застрять там до обеда, давая показания еще одному приехавшему из Старой Руссы следователю по фамилии Марков.

Марков был молодым, симпатичным и женатым, о чем явственно свидетельствовало обручальное кольцо у него на руке. К тому же Марков был следователем честным, взяток не брал, о чем опять же говорило колечко, которое было хоть и золотым, но совсем тонким и простеньким.

– Мне поручили это дело, потому что покойная проживала в нашем городе. Будем надеяться, что нам удастся найти ее друзей и родственников и с их помощью вычислить убийцу.

Что же, совсем неглупо.

– Дело очень серьезное, – не стал скрывать от Мариши следователь. – Мы пока что даже не представляем, как и почему было совершено это убийство. Версия ограбления, казалось бы, самая вероятная, отпадает сразу же.

– Почему?

– По показаниям многочисленных свидетелей, у убитой при себе совершенно не было денег.

– Да, но при этом она жила в люксе. Грабитель мог не знать деталей и рассуждать просто – раз человек живет в таком дорогом месте, да еще и занимает один целый люкс, значит, денег у него – куры не клюют.

– Ну… возможно. А у вас лично других версий нету?

– Я уже сказала вашим оперативникам, что Наташа в ближайшее время ожидала крупной денежной суммы от одного человека.

– Что за человек? И что за сумма?

– Человек – это бывший муж Наташи. Кстати, он один из депутатов вашей области. И я почти уверена, что это именно он помог Наташе с путевкой.

– Да, мы разговаривали с администрацией вашего санатория. За путевку убитой заплатили через банковский перевод. Отправителем значится некий Павел Буров!

– Вот! Наверное, это ее муж!

– Нет, не муж.

– Но он депутат?

– Нет.

– А… А Лопатин?

– Лопатин – да. Он наш депутат.

– Вот видите! А вы его не знаете?

– Лично мы не общаемся, – уклончиво ответил следователь и затем прибавил: – Но если он действительно замешан в этом убийстве, то…

Мариша видела, как поскучнел следователь. Еще бы, раз депутат, то сразу же, словно из-под земли, возникает пресловутая депутатская неприкосновенность. Так просто такого человека не арестуешь. Нужны веские доказательства его вины, чтобы подобную важную персону, да еще облеченную доверием простых граждан, выбравших его на пост депутата, заключили за решетку.

– Понимаю, как вам это не нравится, – вздохнула Мариша, глядя на опечаленное лицо следователя. – Но слов из песни, как говорится, не выкинешь.

– Ладно, – решился следователь. – Побеседуем пока что с этим господином Лопатиным, так сказать, в неофициальной обстановке.

– Только не ждите, что он добровольно признается вам в убийстве бывшей супруги.

– А я и не надеюсь на такой подарок судьбы. Но побеседовать с ним нам все же придется.

– Будем надеяться, что он снизойдет до этой беседы.

Беседа со следователем хоть и отняла у Мариши много времени, но была не совсем бесплодной. Например, ей удалось узнать, что убитая Наталья Гражданка была уроженкой здешних мест. А точнее, родилась и жила она в маленьком городке, находящемся всего в часе езды от «Солнечного берега». Там Наталья окончила школу и получила первую путевку в большую жизнь и в большой спорт.

– Наташа занималась в спортивной школе. Делала успехи. Она даже участвовала в областных соревнованиях и завоевала титул чемпионки области.

Услышав это, Мариша тут же почувствовала настойчивую необходимость в автомобильной прогулке в Старую Руссу. Ведь там должны были до сих пор жить родные и близкие Наташе люди. Те, с кем она вместе ходила в школу, в спортивную секцию. С кем она дружила и кого любила.

– А какие-нибудь родственники Наташи еще живы?

– Да. Мы навели справки о месте жительства ее двоюродного брата и троюродной сестры. Телефона у них нету, так что мы позвонили их ближайшим соседям и просили пере-

дать, чтобы они позвонили нам. Но Наташины родственники пока что с нами не связались. Надеюсь, что они поспешат это сделать, в противном случае придется навестить их самим.

– Ага.

Вид у Мариши был глубокомысленный и одновременно невинный. Она изо всех сил старалась скрыть от следователя свои мысли. А задумка у Мариши была следующей. Сразу же после обеда взять машину из проката и съездить к родственникам и знакомым Наташи. Раз следователь говорит, что тут до Старой Руссы езды не больше часа на машине, Мариша вполне может позволить себе небольшую автомобильную прогулку!

Следователь о планах Мариши даже не догадывался и ничего дурного не подозревал. Сидящая перед ним молодая беременная женщина вызывала у него совсем другие чувства. Он искренне ей сочувствовал из-за того, что ей довелось пережить прошлой ночью. И еще он хотел, чтобы для нее эта история закончилась как можно быстрее.

Его собственная жена совсем недавно разрешилась от бремени близнецами-мальчишками. И следователь Марков еще не успел забыть, какой трогательной и нуждающейся в защите была в те дни его женушка.

Бедный следователь, он ведь даже не подозревал, что за штучка находится перед ним. И сколько головной боли он еще получит, имея дело с ней!

А у Мариши, когда она вышла из полицейского участка, внутри все прямо свербело и чесалось. Ее так и подмывало прямо сейчас отправиться в родной городок Наташи. Увы, следователь распорядился, чтобы Маришу доставили обратно в «Солнечный берег» с комфортом на его личной служебной машине. Вот и пришлось Марише ехать совсем не в ту сторону, куда она намеревалась.

Впрочем, нет худа без добра. Оказавшись в санатории, Мариша переоделась, потому что погода – хмурая с утра – к полудню совсем разгулялась. Стало жарко и даже чуточку душно.

– Похоже, быть грозе, – заметил все тот же Кузьмич, который встретился Марише на пути в ее номер. – Как вы думаете?

Мариша лишь пожала плечами. Кузьмич явно намеревался завести разговор с Маришей, но она извинилась и быстро убежала. Валерий Кузьмич напомнил ей еще об одной вещи, которую ей предстояло сделать как можно быстрей. И оказавшись у себя в номере, Мариша первым делом принялась осматривать свои карманы.

– Да где же она? Куда я ее дела? – роясь в них, шептала она.

Девушка совершенно не помнила, куда она положила найденную утром на пляже вещицу. Сунула в джинсы? В курточку? Или куда-то еще?

– Чертов Кузьмич! Напугал меня до полусмерти. А потом я от него удирала и заботилась только о том, чтобы он ничего такого обо мне не подумал. Черт! Куда же я ее сунула?

Но, увы, вещица не находилась. А ведь она была! Мариша точно помнила холодок металла, когда кругленькая медалька легла ей в руку. Или это могла быть монетка. Нет, для монетки у вещицы были слишком ребристые и неровные края. Это скорее была брошка или значок. Во всяком случае, что-то интересное. И вот теперь выясняется, что Мариша это интересное бессовестно посеяла!

– Тьфу ты! – огорчилась Мариша. – Нет, ну надо же быть такой растяпой! Лучше бы оставила где есть. Тогда ее мог найти Кузьмич или кто другой. И было бы куда больше пользы.

Но долго корить себя за рассеянность было нельзя. Время буквально поджимало. И быстренько переодевшись, Мариша бросила джинсы с курткой на стул. И помчалась вниз в бриджах и легкой маечке. В машину она прихватит с собой большую шаль. Тогда до самого вечера ей не придется заботиться о смене наряда.

После обеда Мариша сразу же направилась в бюро проката машин, которое содержал владелец «Солнечного берега» для своих постояльцев. Тут было всего четыре автомобиля, но больше и не требовалось. Даже в выходные дни особенного наплыва желающих взять напрокат машину не наблюдалось. Одна-две стояли тут всегда. А, к примеру, сейчас все четыре машины были к услугам отдыхающих в санатории господ.

Мариша выбрала недорогой и легкий в управлении «Опель» с коробкой-автомат. И весело покатила на нем по гладкой дороге в сторону Старой Руссы. Впрочем, дорога была хорошей только первые десять километров. Видимо, только эта ее часть была выкуплена или взята владельцами «Солнечного берега» в долгосрочную аренду.

Именно этим отрезком чаще всего пользовались обитатели санатория. И именно его хозяева и привели в порядок. Оставшаяся часть дороги до Старой Руссы потребовала от Мариши немалой выдержки. Приходилось объезжать ямы, перестраиваться перед сужающимися участками, на которых якобы велись дорожные работы.

Но хотя дорога на этих участках и была сужена, и на ней стояли различные упреждающие и ограждающие знаки, но вот самих рабочих что-то не было видно. Да и техники, если честно, пригнано было маловато. За строительную технику мог сойти один лишь трактор, который по своей дряхлости и старости не смог вовремя унести отсюда ноги, пардон, колеса.

Но все прошло благополучно, Мариша добралась до чудесного тихого городка под названием Старая Русса и тут же остановила машину у обочины.

– Девочка, ты не скажешь, где тут улица Строителей?

– А нету такой! – беззаботно откликнулась малышка, подойдя к машине совсем вплотную.

А ведь Марише достался «Опель» с основательно тонированными стеклами. И таким образом девочка не могла видеть, кто еще находится в машине. А вдруг там рядом с Маришей или позади нее сидит злобный маньяк-педофил? Оставалось только удивляться легкомыслию родителей этой малышки, которая едва ли пошла в первый класс, но гуляла на улице одна.

– Ты это точно знаешь? – спросила у ребенка Мариша. – Нету в городе такой улицы?

– Не-а! Впрочем, можете спросить у бабушки!

– А где же бабушка? – тщетно оглядываясь по сторонам, спросила Мариша.

– А в доме. Спит. Но если вам надо, мы ее разбудим. Даже хорошо получится, а то она все спит и спит, а мне скучно!

И ребенок весело заскакал в сторону небольшого уютного домика с мансардой. Все вокруг утопало в цветах, яблони старались на славу. И войдя в сад, Мариша с удовольствием вдохнула напоенный сладким ароматом воздух.

– Бабушка! – тем временем кричала девочка, прыгая по мощенной плиткой дорожке к дому. – Бабушка! А к нам тетя приехала! Бабушка! Проснись ты, соня!

Наконец ее крики возымели действие. Из окна выглянула пожилая женщина и строго осведомилась:

– Ну что ты кричишь, Нюшка? Какие еще гости? Мы никого не ждем!

– Тетя! Чужая! Ей улица нужна!

– Какая еще улица?

– Строителей!

– Эко! – удивилась женщина. – Да уж и нет такой давно.

– Вот и я ей сказала, бабушка! А она все равно ее хочет.

– Ну, веди гостью в дом.

Девочка кивнула и потянула Маришу за руку.

– Пошли!

В чистенькой комнатке, куда провела девочка Маришу, оказалось очень уютно. На стене тикали старинные ходики, но в углу примостился плазменный телевизор. На деревянном крашеном полу лежал роскошный половичок, связанный из разноцветных обрезков ткани, а у стены гордо красовался компьютер с новенькой операционной системой.

Одним словом, в этой комнатке мирно сосуществовало прошлое и будущее, умудряясь не только не враждовать, но даже гармонично дополнять друг друга.

– Улица Строителей давно приказала долго жить, – такими словами встретила Маришу старушка. – Сразу же после перестройки пошла новая волна. Все переименовывали, памятник Ленину свалили, Маркса из парка убрали. Уж не знаю, кому они так сильно помешали? Стояли себе и стояли, мы к ним привыкли. Вроде как родные они уже стали, наши. А их взяли и в переплавку! Справедливо это?

– Нет, не очень.

Мариша тоже не одобряла подобной суеты. А еще она не одобряла пустой траты денег, пусть даже и не ее собственных, а государственных. Конечно, когда в городе есть улица Ленина, проспект Ленина, площадь Ленина и переулок Ульянова-Ленина – это уже явный перебор.

Но уж один-единственный памятник вождю мировой революции могли бы и оставить. Во-первых, это память и урок будущим поколениям. Чтобы не забывали, как легко можно развалить то, что казалось незыблемым. И во-вторых, простая экономия народных средств.

Ведь все эти памятники когда-то плавились, для них делались эскизы, их перевозили и устанавливали. Стоило это денег? Конечно, стоило! А все сносить, переустраивать, переименовывать, разве это не будет стоить денег? Будет! Да еще половина денег, а то и не половина, а куда большая часть, как водится у нас в России, осядет в карманах нечистоплотных чиновников и непосредственных исполнителей.

Так к чему вся эта шумиха? Кому могут помешать бедные безмолвные памятники? Как говорится, бояться надо не покойников или тем более памятников, а живых людей.

– Теперь эта улица называется Соловьиной улицей.

– Почему Соловьиной?

– Говорят, там раньше была низинка, в которой весной чудно заливались соловьи. Но теперь уже все застроили и перестроили. Если какой один соловьишка туда и залетит, то он песни не сделает.

Но тем не менее дореволюционное название было возвращено улице Строителей. И теперь Мариша знала, куда ей ехать.

– А вы почему интересуетесь? – внезапно спросила у Мариши старушка. – Я вижу, что вы не местная. Приехали к нам издалека. Зачем вам Соловьиная улица?

– У меня там знакомые живут.

– Да? И кто же? Вы поймите меня правильно, городок у нас маленький. А я человек уже старый. Почти всех здешних жителей знаю. А Соловьиная улица через квартал от дома моего отца была. Так кто вам там нужен?

– Иван Федорович и Серафима Потаповна Гражданки.

– Гражданки?! – воскликнула старушка. – О господи! Да ведь они померли давно!

– Померли? – ахнула Мариша. – Как? Почему?

– Года у них такие уже были, подходящие. Обоим за восемьдесят. Нет, Серафима Потаповна, кажись, помоложе чуток своего мужа была, да на здоровье слабая. Все родить никак не могла. Единственный ребенок – Наташка у них появилась, когда Серафиме Потаповне уж за сорок перевалило. В те времена это была редкость, чтобы баба в такой срок и вдруг родила. Все вокруг них шушукались. Дескать, ребенок урод или больной от таких старых родителей родится. Ан нет, все обошлось! Наташка такой здоровенькой уродилась, что сто очков всем своим сверстникам давала.

– Значит, вы и Наташу хорошо знали?

Теперь Мариша горько корила себя за невнимательность и рассеянность. Ведь ей же Наташа еще живая и вполне здоровая внятно сказала, что ее мама умерла, когда она еще сидела в тюрьме. Последние передачи Наташа получала от тетки. Но и та была старой и тоже померла.

Но старушка, не ведая об охвативших Маришу сомнениях, продолжала говорить:

– Ну, не очень близко я знала Наташу. Годами мы с ней разнились. Но по-соседски знала, конечно. Да и то сказать, она яркая была личность. Иной человек всю жизнь рядом с тобой в соседнем доме проживет, а ты его и не заметишь. А про эту весь околоток постоянно судачил. Планида у Наташки такая, видать, была, чтобы ее имя у всех на слуху постоянно было.

К этому времени старушка уже выставила на стол угощение в виде мятных пряничков, домашнего шоколадного печенья в белой глазури и вчерашних подогретых на сковородке пирожков с грибами.

– Грибочки свежие, сама собирала. Сморчки называются, слышали про них?

– Слышала, но никогда не пробовала.

– Так вы попробуйте. Деликатес. Раньше-то моя бабка и строчки собирала, но теперь про них говорят, будто бы они ядовитые. Не знаю, правда то или нет, а я их от греха подальше больше в лесу не беру. Да и другие не берут. Зачем рисковать понапрасну?

Мариша попробовала пирожок из темной муки и была вынуждена признать, что ничего вкуснее давно не ела.

– А вы с чайком его! – подхватила старушка. – Или щей вам налить? Щи у нас знатные. Мы капусту по-особому квасим и в подполе храним. Вот уже весна, а у нас капусточка до сих пор хрустит. Налить вам щец?

Но Мариша от щей отказалась.

– Я уже сегодня обедала, спасибо. Вы мне лучше про семью Натальи Гражданки расскажите.

– А что не рассказать, расскажу, – согласилась старушка. – Иван Федорович и Серафима Потаповна давно уже в могиле. Да и Наташка там же.

– Как?! – ахнула Мариша, роняя пирожок из рук. – Вы уже знаете? Откуда? Кто вам сообщил?

– Да что тут не знать-то? Знаю, конечно. Давно это было. Уже года три прошло с тех пор.

– Три года? – пробормотала Мариша. – Вы имеете в виду со дня смерти родителей Наташи?

– Те еще раньше убрались! И хорошо, что померли, похорон хоть дочкиных не увидели.

– Похорон? Каких еще похорон?

– А будто бы вы не знаете! – прошептала пожилая женщина, косясь на внучку. – А нука, Нюшенька, сходи, посмотри, что там у курочек делается.

– Да что у них делается, бабушка? – не поддалась на эту уловку девочка. – Все у них в порядке, у твоих курочек. Яйца, что они снесли, я еще утром собрала.

– Ну, так ты их покорми. Покорми курочек-то!

– И корма я им еще утром насыпала. Ты же сама говоришь, что перекармливать их нельзя.

– Ну, просто взгляни, как у них дела.

– Да я и так знаю, как дела. Сначала ели, а теперь по двору топчутся, перья свои греют. Я лучше к Кольке схожу, можно?!

Судя по плутоватому выражению лица юной хитрули, ходить к Кольке ей в обычные дни строго воспрещалось. Но сейчас бабушка, охваченная желанием посплетничать без помех, была готова на очень многое. И умненькая внучка это живо смекнула.

– Так можно, бабуля? – протянула она. – Можно мне к Коле сходить?

– Ну, иди. Сходи. Только ведите себя прилично. И никаких конфет от его матери не бери!

– Ну, бабуля…

– Я сказала – не бери, – твердо произнесла старушка. – Колькина мама на кладбище работает. Карамельки оттуда приносит.

– А леденцы? Она их сама варит!

– И сахар она с кладбища приносит. И яйца! И даже пирожки! Ничего у них не ешь и не пей от греха подальше. Ясно тебе? А будешь лопать, как Колька кладбищенскую еду, станешь такой же, как он!

Судя по выражению лица малышки, ей приятель в чем-то ущербным не казался. И она весело убежала, торопясь, пока бабка не изменила своего решения. А пожилая женщина снова повернулась к Марише и извиняющимся голосом произнесла:

– Беда с детьми нынче, просто беда! Вот я помню, двоих своих вырастила, они у меня поперек слова пискнуть боялись. А ведь мальчишки были. А эта… Я ей слово, она мне десять в ответ. И не слушается меня совсем. Вот вы где ее нашли, скажите честно? На улице?

– Да, на улице.

– Вот! А я ей туда настрого выходить запрещаю! Мало ли кто может по улицам нынче ездить. Но разве ей объяснишь! И Колька этот… Как ее угораздило с ним подружиться! Можно подумать, других ребят или девочек в округе не хватает! Нет, связалась с этим мальчишкой. А у него и отца нету, и никогда его и не было. И мать на кладбище сторожихой работает, что покойникам из гостинцев приносят, себе в дом забирает. И мужики у нее один за другим сменяются. Только за прошлый год двое с ней жили. Одного посадили, другой сам ноги сделал. Ну, не пара Колька нашей Анечке! А если Сенька узнает, как я за его дочкой плохо слежу, от него же еще и получу. А если я на Аньку пожалуюсь, то ей попадет. Сенька у нас на расправу быстр!

– Аня – это ваша внучка?

– Ага. Меня Александрой Александровной кличут. А вас как?

И когда церемония знакомства состоялась, бабушка продолжила:

– Анька у меня первая внучка пока. Сенька мой старшой народил. А младший – Васенька еще и не женат. Девушки у него есть, да только ни одной серьезной.

Вот интересно, ее сынок Васенька может менять девушек так часто, как ему заблагорассудится и при этом останется милым, любимым и гордостью семьи. А вот если женщина – мать Коли захочет немножко своего женского счастья, то выйдет она в глазах соседей чуть ли не законченной шалавой!

– Вы мне про родителей Наташи обещали рассказать, – напомнила Мариша этой молодой бабушке и наконец получила внятный ответ.

– Наташа у нас всегда на особом счету была. И сначала, когда еще не родилась, к ее персоне повышенное внимание было. Все гадали, кто у старой матери родится – дурнушка или просто урод? Да и потом люди то и дело вспоминали, что Наташа необычный ребенок.

– А в чем заключалась ее необычность?

– Ну, во-первых, красавица! Во-вторых, умница и отличница. И в-третьих, спортсменка.

Про это Мариша уже знала. И поэтому, не чувствуя подвоха, спросила:

– Значит, Наташа вышла в чемпионки?

– Что?

– На мировых соревнованиях побеждала?

– Как?

– Олимпийские медали разве не завоевывала? – уже тише произнесла Мариша, чувствуя, что за всеми этими многозначительными «что?» и «как?» кроется нечто странное.

– Не знаю, кто вам такое наплел, – покачала головой Александра Александровна. – А только Наташка еще до своих первых серьезных соревнований замуж выскочила.

– За кого?

– Был тут хлопец один. Из идейных. Отец у него парторгом в нашем райкоме штаны просиживал. А как перестройка грянула, тоже не растерялся. Это мы тогда серые и неумные были, не понимали, что в стране происходит. А он живенько так в происходящем сориентировался. Раз! И в его руках сразу два ведущих предприятия области оказалось. А потом и санаторий. Его-то уж он за бесценок у государства выкупил да в порядок привел, да и доход он ему теперь неплохой, говорят, приносит.

– Что за санаторий? – заинтересовалась Мариша. – «Солнечный берег»?

– В точку! Он самый!

– Значит, этот санаторий принадлежит Наташиному мужу?

– В точку! – повторила женщина и прибавила: – Но вы ведь про Наташу узнать хотели? А ее судьба куда как менее завидной оказалась. В детстве-то Наташу все на руках носили и всячески ее славили. А как вышла она замуж, так муж ее в тень моментально и задвинул. Никуда больше из дома не выпускал. На соревнования спортивные, когда Наташку звали, отказ от него приходил. В общем, сделал из нее домашнюю жену.

– И Наташа покорилась?

– Очень уж она мужа своего любила. Ничего в нем дурного видеть не хотела. Только от нее и слышали, какой ее Аркашенька умный, какой дальновидный, да какой он распрекрасный.

– А это была неправда?

– Жулик он, как и его папаша! Прохиндей! Государственное своим сделал, на том и разбогател. А разве это справедливо? Ведь что получается, сначала большевики из России всех хозяев повывели, всю землю и производство государственным сделали, а потом вдруг в одночасье взяли и приватизацию какую-то объявили! Это уж мы сейчас понимаем, что к чему, а тогда все в шоке были. Что за ваучеры такие? Что мы за них купить можем? Вот и стал народ эти свои никчемные ваучеры продавать. Ты помнишь эти ваучеры или нет?

– Помню, – вздохнула Мариша, припоминая, как ее мама продала свой ваучер, а она – наивная – вложила его в процветающее по тем временам предприятие – «Русские самоцветы».

И в результате оказалось, что права была мама. Она за свои деньги купила шубку, правда, всего лишь из стриженого кролика для Мариши, но ведь все равно купила! И Мариша потом в этой шубке не один год проходила. И была очень довольна. А бумажка о приватизации самой Мариши – ваучер принес еще меньше дохода. Ювелирная фабрика внезапно стала созывать какие-то внеочередные собрания акционеров. И все, кто на них не являлся, тут же вычеркивались из списков.

Собрания назначались в неудобное время, а зачастую и заказные приглашения приходили с опозданием. Так что неудивительно, что, получив на свой ваучер небольшую выплату, на которую можно было купить две коробки недорогих конфет, Мариша была уже почти довольна.

– Время-то голодное было, – продолжала гундосить Александра Александровна. – В магазинах ни хрена не было. А что и было, то за безумные бабки. Народ свои ваучеры и кинулся продавать. Кому какая доля от прежнего государственного имущества была поло-

жена, те ее на рубли променяли. А рубли эти на шоколад заморский да колбасу ихнюю обменяли.

Да, Марише все это было очень знакомо и близко. И теперь она с еще большим интересом слушала рассказ пожилой женщины о семье Лопатиных, которым не только удалось не прогореть в перестроечное время, но даже приподняться и заработать себе впоследствии миллионы или даже миллиарды.

Глава 5

Между тем Александра Александровна, не подозревая о бушующих в груди Мариши чувствах, продолжала свой рассказ:

– Наташка девка справная всегда была. Отличница. Умница. Да я тебе уже говорила. Справная девка была и далеко бы она в жизни пошла, кабы не связалась с этим Аркашкой.

– А чем он был плох?

– Да не плох, – скривилась женщина. – Другие бы сказали, что Наташке крупно повезло, что за такого парня замуж вышла. А только не по ней он был. Все чего-то крутил, мутил, наваривал. В Москву подался, там тоже чего-то крутил. И в результате что?

– Что?

– А в результате наш Аркаша в депутатах местных оказался, а Наташка померла! Там в Москве и померла. Три года уж тому, как прошло, а до сих пор перед глазами ее похороны вижу!

И снова Мариша услышала версию о том, что Наташа умерла много лет назад! Но ведь это же шло вразрез с тем, что знала сама Мариша.

– Послушайте… А как же это случилось, что ее похоронили?

– Умерла Наташка! Сгинула!

– А… А вы не ошибаетесь?

– Все в городе в курсе, что жена у нашего депутата померла. Ох, переживала я! Как же, соседская девчонка. Я ее с рождения хорошо знала. И вдруг померла такой молодой!

– А как умерла-то? Болела?

– Нет, болеть совсем не болела.

– Убили?

– Типун тебе на язык!

– А как же тогда?

– Несчастный случай. Поехала по речке нашей кататься, да и утопла.

– Утонула?

– Ну так!

– В вашей речке?

– Да!

Мариша лишь недоуменно таращила глаза. Очень многое не складывалось у нее в голове.

– А каким спортом занималась Наташа?

– Легкой атлетикой.

– Значит, плавать она не умела?

– Ну, выходит, не умела, коли потонула.

Что же, Наташа обманула Маришу? Сказала ей, что занималась профессиональным спортом, да еще и занимала призовые места по плаванию, а сама врала ей? Но очень быстро Мариша поняла, что если ее приятельница и врала ей, то это была очень безобидная ложь по сравнению с теми делишками, которые проворачивал ее муженек.

И не одна Наташа была недовольна своим мужем. У жителей Старой Руссы также имелся повод, чтобы быть недовольными своим депутатом.

– Взяточник он и жулик! И хитрый! Поначалу, как придешь к нему на прием, на словах никому не откажет. Со всеми ласковый, всем слово доброе скажет, а на деле…

– Что на деле?

– Ничего! Если что и сделает, то через неделю назад отберет. Никакой пользы от такого депутата простому народу нету, да в последнее время он с простым народом и не ручкается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.